

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 27

**Вечная Вандея
против
Вечной Коммуны**

Москва
2025

УДК 613.2

ББК 51.230

В 18

В 18 Вечная Вандея против Вечной Коммуны. - Москва,
2025. - 124 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

«Великая» Французская Революция была инспирирована непримиримыми ненавистниками христианской и монархической идеи, в тот исторический период сгруппированными в «масонские ложи». Один контрреволюционный проповедник, современник тех апокалиптических событий, заявил следующее: «Евреи, распявшіе Спасителя, были масонами; Пилат и Ирод – начальниками одной ложи. Июда, прежде чем выдать Иисуса, в Синагоге был принят в масоны...» (fra Людвиг Грайнеман, О.Р.). С точки зрения фактологии, конечно, сие недостоверно, но символически – се верно... Возстание в Вандее, во имя Бога, Церкви и Короля, поистине, стало некоей «иконой» Святой Реакции, как якобинский Конвент, и установленное им «царство Террора» стали анти-иконой «Царства Антихриста». Предлежащий Сборник представляет русскоязычному читателю ряд эксклюзивных материалов, посильно раскрывающих именно данный историософский и эсхатологический аспект Французской Революции и Контрреволюции (88% текстов – впервые переведены на Русский). На обложку вынесена карикатура Джорджа Крукшенка на «великую французскую революцию». Дж. Крукшэнк - (англ. George Cruikshank; 1792 - 1878) — английский иллюстратор и карикатурист, ведущий мастер книжной иллюстрации и сатирико-политической карикатуры XIX века. За свою долгую жизнь он проиллюстрировал более 850 книг... На рисунке Д.К. представлены пьяные существа предположительно мужского и женского пола, кои попирают ненавистные им символы: Корону (Монархия), Крест (Религия), Меч (благородное сословие). Над сими унтерменшами возвышается Гильотина - символ эпохи, и земной шар, объятый пламенем «мировой» Революции (прямо как у жида-большевиков). Ещё выше на ленте написано: «Нет бога! Нет религии! Нет короля! Нет конституции!». Стоит напомнить, что события времён «французской революции» являются прямым водоразделом на Левых и Правых: в какой-то мере прообразованием Последнего Суда; причём служители Сатаны (Левые) и служители Бога (Правые), уже «*hic et nunc*» начинают «занимать» от века предопределённые им «места» на Страшном Судище Христовом...

Содержание

Яков Кателинов. ВАНДЕЯ ВОПРЕКИ СОВРЕМЕННОМУ КОНФОРМИЗМУ.....	4
Кирилл Монастырский. «ВАНДЕЯ» ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ.....	11
Эдуард Юрченко. ФРАНЦУЗСКАЯ АНТИНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	19
Иван Калюга. ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР О ПРИРОДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	50
Луи Габриэль Амбруаз де Бональд. ВСЕОБЩИЕ РЕВОЛЮЦИИ. УПАДОК ИСКУССТВ И МОРАЛИ.....	57
Фауст Патронов. ВАНДЕЙСКАЯ ВОЙНА.....	62
СОЛЖЕНИЦЫН О ВАНДЕЕ.....	84
Эдуард Юрченко. КОЛИИВЩИНА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....	87
ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ.....	92
ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ-2.....	97
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАВРОВ.....	105
МОЩНЫЙ СТАРИК ЛЕ ПЕН.....	111
БЕЛЫЙ ПУТЬ ВАНДЕИ.....	120

Яков Кателинов

ВАНДЕЯ ВОПРЕКИ СОВРЕМЕННОМУ КОНФОРМИЗМУ

«Необходимо создать предпосылки к революции, направленной против всякого вздора, которым сегодня под названием “прав человека” и “демократия” пытаются запудрить вам мозги. В наших глазах право народа, нации на жизнь и существование более свято, нежели эгоистическое стремление отдельной личности к саморазвитию и самовыражению — и прежде всего, жизнь каждого человека из нашего рода стократ ценнее жизни всех евреев, китайцев или негров, сколько бы их там ни набралось. Революция против духа 1789 года — вот наше решение!».

Константин фон Шальбург, 1939 год

Рефлексируя в поисках точек опоры в рамках сложившегося общественно-политического строя, современные правые вынуждены выбирать между иллюзией свободы и несвободой. Такая постановка вопроса уже сама по себе ставит под сомнение адекватность восприятия ими бытия, потому как холодному расчёту они предпочли слияние с массой, делая выбор в пользу осознанного мазохизма. Не разсчитанной политической стратегии, где предоставляется возможность выбрать из двух зол меньшее, отнюдь. Эта проблема касается как правых националистов, так и консерваторов. Особенно остро дело обстоит с монархистами, людьми, с их же слов, сохранившими верность единственной исторически-верной форме правления, в тоже время, не осознающие её сакральный и, главное, вневременной характер, заложенный в самом основании нашей цивилизации.

Мировоззрение традиционного человека не должно представлять из себя высохшую мумию, неспособную отстоять вечные принципы под натиском плебейской диктатуры. Именно из-за отказа к действию, реакционеры прошлого допустили породившую скверну модерна тиранию. На их совести лежит ответственность за господство химер демократии и социализма, чем они могут быть благодарны своей политической импотенции, конформизму. Неудивительно, что сегодня их место вполне естественно заняли представители упомянутого политического мейнстрима. Ещё век назад эти люди позволили европейским империям сгинуть, отринув зов к сопротивлению, на который откликнулись лишь немногие, способные действительно сражаться за идеалы своих предков. Не стоит и удивляться закономерному торжеству нигилистов, закономерно наметивших себе «конец истории».

Пожар Первой мировой нанёс непоправимый ущерб каждой стране Европы, ввязавшейся в смертельную авантюру, и запустил процессы, губительные для традиционных форм государственной власти. Отличительной особенностью всех тогда ушедших в историю империй было воспитание людей, готовых верно служить своему монарху и отдать свою жизнь за отечество. Только монархии прошлого были способны возвращивать столь закалённых, идеалистических личностей.

В силе этих людей была заключена и мощь самого государства, однако, такие столь ценные кадры были не безконечны: весь старый офицерский состав главных стран участниц по большей части был уничтожен войной. В России это усугубилось трагедией большевистской революции, нацеленной на полное уничтожение старой Империи, а значит её верной опоры в лице офицерства. Вслед за этими людьми, последними кшатриями, ушёл золотой век европейской цивилизации.

«Будучи связана с Высочайшей силой нравственного содержания, наполняющего веру народа и составляющего его идеал, которым народ желал бы наполнить всю свою жизнь, монархическая власть является представительницей не соб-

ственno народа, а той высшей силы, которая есть источник народного идеала», – замечал Лев Тихомиров (см. Л. Тихомиров, Монархическая государственность, 1905). Тот переломный момент, когда связь с вековыми традициями была разорвана, был следствием фактической смерти важной государственной опоры в лице «военной аристократии». Русское офицерство, справедливо унаследовавшее это место, как верно подчеркнул российский историк С. Волков, «исполнено свой долг и в последний раз продемонстрировало верность своим нравственным принципам» (см. С.В. Волков, Русский офицерский корпус, 1993). Некогда живой символ не столько народной веры, сколько чести и лица нации, сегодня есть недостающее звено вообще любого национального государства. Без него последние превратились в бумажные цепи без единого цельнометаллического слоя.

Говоря о монархии, как форме правления, стоит отметить, что в зависимости от необходимых условий она может быть абсолютно разной. Исходя из исторического опыта, при монархе может быть и народное представительство, и политические свободы. Так или иначе, это универсальная форма правления, которая формирует вокруг себя «лучших людей», – аристократию. Монархия зиждется не на положениях конституции, а на вековых национальных, исторических и других устоях, а также вере народа в своего монарха, создающего свою государственность.

Интересные примеры того, как монархия может формировать вокруг себя аристократию содержит и французская история. Важным звеном здесь по праву является Король-Солнце Людовик XIV. Этот монарх не просто поднял культурное и материальное богатство своей страны, но до автоматизма отточил механизм формирования знати вокруг себя.

Могущество правления Людовика XIV заключалось еще и в способности правильно подбирать себе талантливых и способных сотрудников (Кольбера, Вобана, Летелье, Лионна, Лувуа и т.д.). Развитие торговли и мануфактурного производ-

ства, зарождение колониальной империи Франции, реформирование армии и создание флота, развитие искусства и наук, строительство Версаля и, наконец, преобразование Франции в современное государство – это неполный перечень заслуг Людовика XIV. Его дипломатия господствовала над всеми европейскими дворами. Французская нация своими достижениями в искусстве и науках, в промышленности и торговле в период правления Людовика XIV, достигла невиданных высот. Версальский двор стал предметом зависти и удивления почти всех современных государей, старавшихся подражать великому королю даже в его слабостях.

Раз уж выбором меньшинства, возомнившего себя абсолютным большинством, является тихое прозябанье на могилке, усеянной обломками «технического Левиафана», так им и быть. Наш ориентир устремлён на Элладу через преодоление и признание своей природы. Между такими «правыми» и теми левыми психопатами, на которых у здорового человека заведомо распространяется онтологическая неприязнь, в сущности, нет разницы. Это продукт системы представлений 1789-го года, вне которой они не приучены себя осознавать.

Стало быть, на любое действие найдётся противодействие. Было бы сомнительным отвечать на удары кнута пряником. Так и «новым вандейцам», ведущим свою скрытую борьбу за выживание, на пост-якобинский террор надлежит отвечать встречной революцией. Основы самой идентичности, поражённые скверной, требуют хирургического вмешательства, если правые желают свернуть с пути загнанной овцы. Затянув пояса и засучив рукава, придётся залезть в мозги глобального Робеспьера. О Консервативной революции сказано уже много, однако правильно ли эту идею понимают её сторонники? Очевидно, что популярность квази-традиционистических установок, зацикленных на поклонении противоестественным красным тираниям, свидетельствует о серьёзных заблуждениях многих адептов этой идеологии. Симулякр, выращенный сталинскими национал-большевиками в глубинах

Северной Евразии, препятствует здравому міроощущению сторонников сильной имперской государственности — с гиперболизированного «самодержавия» они переходят в самозакрепощение, наслаждение своим полным политическим безволием, свойственное до поры лишь самым замшелым консерваторам советской действительности.

С прискорбием наблюдая за идеологическими потугами безнадёжно сломанных системой людей, мы проводим различия подлинных правых от конформистов. В широком смысле, традиционный человек аристократических идеалов предрасположен к анархии, с нашей точки зрения выражаемой через либертарные порядки. Раскрывая значение понимания нами «либертарного» пути, мы категорически абстрагируемся от секты экономических нигилистов, низводящих этику на второй план в угоду удовлетворения сугубо материальных потребностей. Следование принципам независимого восприятия бытия путём самообладания, а не вредоносного принуждения извне, само по себе лежит в основании любого организованного общества, где есть место любым вольностям творческой натуры человека, пока она не способна нанести вред ни ему, ни обществу или иным высшим инстанциям социального организма.

Иначе говоря, по разумному замечанию Эволы, в нашем понимании, правый анархист, вопреки безхребетным конформистам, «твёрдо знает, чего хочет, и понимает, на что он опирается, говоря свое “нет”» (см. Ю.Эвала, Лук и булава). В современном міре, люди традиционного мировоззрения, желающие воздать честь былой эпохе Архонтов, должны не промышлять поиском опоры у запущенного асфальтного катка, а бросить вызов вечной коммуне! Обращая взор в историческую перспективу, следует черпать из неё полезный опыт вместо пустых образов, преданных песчаному забвению. Как и сто лет назад, монархист в сложившихся реалиях вынужден становиться на путь политического

анархизма. Пламенные патриоты почившей Империи, чьи руины предстали перед их очами, не утратив своего энтузиазма и не жалея себя, всё же смогли противопоставить себя несправедливой действительности.

Такие храбрецы возникали по всему свету. Если на Востоке России их знамя поднял потомственный немецкий рыцарь барон Роман Фёдорович фон Унгерн-Штернберг, то на берегах Адриатического моря, с похожими ценностями выступал блестательный Габриэле Д'Аннуцио. Защищая аристократические идеалы, они, вместе с неисчислимой армией своих сторонников, несли своё слово на мечах. Не такой уж и дивный «Новый мір», встречал причудливые для него государственные образования, воплотившиеся из міра средневековых устоев, воспротивившихся всеобщему обману. Ставшие на путь анархии — во имя монархии. Исходя из исторического опыта и примеров нынешних, предрасположенными к подлинной архаике оказались те, кто вершил её правыми руками. Отнюдь не сторонниками «уравниловки», неизбежно порождающей тираническую диктатуру даже в отдельно взятой общине, но вслед за Руссо и Марксом апеллирующие к архаично-мифологическому «золотому веку».

Пора уже понять, что нынешний облик современных «монархистов», прежде всего сложившийся в современной России, никоим образом не соответствующий представлениям о байроническом герое, и должен будет измениться. Один шаг влево, другой вправо, — вопрос выживания самой концепции зависит от решимости её последователей. Если Тихомиров возвещал о своём отходе от революционных идей в пользу роялизма, то сегодня монархисты вынуждены трактовать свои ценности революционными методами, единственным реальным способом выражения контрреволюции. Абсолютистское возрождение нуждается в опоре на *L'Action*, действие в основе своей противопоставленное беспомощному смирению продажных реакционеров, предавших вечные идеалы.

“Крестьяне, бездомные принцы,
Все те, кто былому верны,
Герои восставшей провинции,
Герои погибшей страны –
Навеки унижены, прокляты,
Вы шли, куда совесть звала.
Вандея, не этот урок ли ты
В предсмертном горенье дала? –
Сражаясь за белые лилии,
За древний престол королей,
За стёртые камни Бастилии
И строгость версальских аллей...
Отвергнутым стоит гордиться ли?
Но слышите: в мёртвом строю
Вандейцы, последние рыцари,
Уходят в легенду свою.”

Кирилл Монастырский

«ВАНДЕЯ» ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ

Русские и французские историки часто сравнивают события в Вандее с событиями гражданской войны в России. Это регион, который был рождён Революцией. Войну в Вандее нередко именуют контрреволюционным мятежом против республики. А в русской литературе о Гражданской войне имеется даже нарочитый труд ген. Голубинцева «Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920 гг. Мюнхен, 1959).

Справка: Вандея — Департамент на западе Франции, центр крестьянской войны против революционных властей. Крестьяне возстали 10 марта 1793 года и при помощи местных дворян нанесли ряд тяжёлых поражений республиканцам. Лишь ценой огромных усилий правительство справилось с этим выступлением, после чего население департамента подверглось массовому истреблению, которое отдельные французские историки приравнивают к геноциду. Вообще, изначально Вандея — это название маленькой речушки длинной всего в несколько километров, о которой никто не знал. Это западный регион Франции, прибрежный регион, который примыкает к Атлантике. Именно там в 1793 году крестьяне поднялись на мятеж, который по сей день французами воспринимается как самая кровопролитная и жестокая битва в национальной французской истории.

Конфликт в Вандее — это ответ на революционные события. Что олицетворяет Великая французская революция? Масонские «либерально-демократические» ценности. А за мятежом в Вандее стояли традиционные силы. Произошло противостояние двух систем: либерально-демократической и традиционно-католической. Великая французская революция — это матрица современной Франции, основа, на кото-

рой зиждется политическая культура и Третьей, и Четвёртой, и современной, Пятой республики. Поэтому, изменить своё отношение к Вандее и признать те события геноцидом, означает поставить под сомнение саму Великую французскую революцию. Для французов это крайне болезненная проблема. Не только для историков, а для общества в целом.

Французская революция была «матрицей» и для «гусских» революционеров. Посему, не случайно, что и у нас явились «своя Вандея». Не кто иной, как ВИЛ назвал «Русской Вандеей» регион войска Донского и остальные казачьи области. Почему? Ленин выделял два момента: первый — относительная зажиточность казаков по сравнению с остальной Россией, второй — консерватизм мышления. На начало XX столетия в Российской Империи насчитывалось 12 казачьих войск. Была целая полоса, от Дона до Уссурийского казачьего войска на Дальнем Востоке. И это всё потенциальная русская Вандея. Самыми активными были донцы, кубанцы, сибиряки, оренбуржцы и уральцы, которые практически поголовно выступили против советской власти. Причём, не только из-за «экономических» (против «отмены частной собственности»), но и из-за религиозных убеждений: большевики были ярыми богооборцами, а казаки *en masse* — считали себя воинством Христовым.

24 января 1919 года вышел декрет о расказачивании, когда началось закрытие церквей, когда начался красный террор как следствие реализации в том числе декрета о расказачивании, произошла резкая эскалация конфликта. Опять же, некоторые отечественные историки рассматривают «расказачивание» как «геноцид» казачьего народа (напр. Н.Лысенко. Геноцид казаков в Советской России и СССР, 1918-1933 гг.: опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону, 2017).

Крайне значим религиозный аспект во французской Вандее. Само движения в Вандее — это движение, которое поднялось во имя Христа. Не случайно именно Сердце и Крест — символ вандейцев. В лозунге «За веру! За короля!» для

крестьян Вандеи было принципиально «За веру!». Потому что мятеж начался не после казни Короля. Короля казнили 21 января 1793 года, а восстание начнётся в марте 1793 года. Непосредственный повод — это рекрутский набор. Но главное для вандейцев — религиозный вопрос. Вандея — это сельский регион, где не было непреодолимой грани между крестьянством, духовенством и местными кюре (католический приходской священник). Кюре — это не просто представитель Бога. Для крестьян кюре — это главное лицо, с кем они общались в воскресенье, после мессы. Кюре был представителем их интересов во властных структурах. Более того, кюре занимался вопросами благотворительности. И вдруг Революция, стремясь всё рационализировать, построить на идеалах Просвещения, принимает декреты о реорганизации церковных приходов. Говоря современным языком, была проведена оптимизация. Многие приходы и церкви были закрыты, и получилось так, что кюре должны были сразу обслуживать большую территорию. Они не успевали проводить человека в последний путь, не успевали его исповедовать, а потом ещё был принят декрет о том, что священнослужители назначались и оплачивались государством, предварительно дав клятву верности. В Вандее это было воспринято как попрание религиозных прав. Таким образом религиозный вопрос для Вандеи был принципиальным.

Вандейские крестьяне, дворяне и священство поистине были Крестоносцами XVIII века. Аналогично и русские «вандейцы»-белогвардейцы мыслили в категориях «Крестового похода против безбожного большевизма»... Наибольшего «размаха» реализация идеи Крестового похода у Белых достигла на Востоке, «у Колчака». Однако, и на Белом Юге тоже были схожие идеи (так, генерал А. М. Драгомиров предлагал А. И. Деникину создать «военно-религиозное братство» и т.п.) но там «тормозом» была малая религиозность главнокомандующего Деникина. До практической реализации крестоносной Идеи на Юге дело дошло при ген. П.Н.Врангеле...

Ну а на востоке России появилось целое «Крестоносное Движение», санкционированное лично Верховным Правителем А. В. Колчаком и его окружением. «Дружины Святого Креста» начали формироваться в тот период, когда дела у Белых на востоке были откровенно плохи, в августе 1919 года. Тут стоит отметить, что в эти дружины входили не только «обыкновенные» православные верующие, но и старообрядцы и даже мусульмане. Только мусульманские отряды назывались «дружины Зелёного Знамени» (исламское духовенство на колчаковской территории даже объявило большевикам «Газават»). «Не раз наша родина переживала тяжкие времена; и ныне Россию спасёт идея религиозная, идея Креста. Мы переживаем небывалое поистине историческое событие: враждовавшие прежде Крест Христов и Полумесяц теперь соединились, чтобы вместе ринуться на борьбу с атеизмом большевизма...» (адм. А. В. Колчак. Газета «Русское дело», Омск. № 19. 28 октября 1919 года).

Идеологи создания подобных отрядов проводили исторические аналогии с уже упомянутыми Крестовыми походами, с 1612 годом и с 1812 годом. «Далее Верховный правитель вспоминает эпоху Крестовых походов, церковный собор в Клермонте; высшим представителем католического мира там была сказана историческая фраза: «Так хочет Бог!». И по поводу нашего крестоносного движения Верховному Правителю кажется, что добровольчество потому у нас возникло, что так хочет Бог. А раз это так, победа несомненна...» (Газета «Русское дело», Омск. № 19. 28 октября 1919 г.).

Одним из идеологов создания отрядов «крестоносцев» был консервативный философ Дмитрий Васильевич Болдырев. Его прозвали «профессором-крестоносцем». Вот, к примеру, очень показательное описание: «В большом соборе в чудесный осенний день выступал с проповедью сам профессор Болдырев. Был он в английском солдатском обмундировании с белым крестом на груди; поверх формы был надет церковный стихарь, зелёный, с галунами. Он говорил о том, что

большевизм есть «сила диавола» и одолеть её можно только крестом». (журналист подпоручик Всеволод Иванов. Исход. Повествование о времени и о себе). Тот же Иванов (впоследствии, совпис) писал, что в сельской местности часть населения на призывы откликнулась, в основном это были старообрядцы и зажиточные крестьяне, некоторые казаки. Вели агитацию и среди беженцев. Но в целом «крестоносцев», ввиду постоянных отступлений белых, развала административной системы и низкой популярности идеи в городах удалось собрать только 6 — 8 тысяч человек, возможно немним более.

Ещё одним горячим сторонником Крестоносцев был генерал Михаил Константинович Дитерихс, крайне примечательный персонаж. Это он потом на Дальнем Востоке в 1922 году фактически «возстановит монархию», станет Воеводой Земской Рати и выдвинет идею возвращения России в допетровские времена: «...в эмигрантской историографии фигура генерала Дитерихса часто упоминалась вместе с эпитетами “мистик”, “Жанна-д-Арк в рейтузах”, человек “не от міра сего”, “наивный монархист”»...

Далеко не все военачальники Белого движения были, однако, солидарны с Дитерихсом (и его специфическими взглядами). Барон А. П. Будберг, к примеру, видел в создании «крестоносных дружин» только очередное разбазаривание сил и средств. В целом успех дружин во многом зависел от командира. Так, полковник Гавриил Васильевич Енборисов (1858 — 1946). (разстрелявший собственного сына за то, что тот стал «красным казаком») сумел создать сильный отряд «крестоносцев», который с боями прошел весь Великий Сибирский Ледяной поход (по итогам которого колчаковские войска практически перестали существовать) и не распался.

Можно сказать, что это «крестоносное движение» просуществовало несколько месяцев: уже в ноябре 1919 года пала столица колчаковцев, Омск. Верховного правителя А. В. Колчака не стало в феврале 1920 года. Философа Д. В. Болдырева — в том же году. Лишь немногие Белые сумели добраться

ся до Забайкалья и Дальнего Востока, где, в том числе под руководством ген. М. Дитерихса, ещё воевали до 1922 года (без шансов на успех). Таким был итог «Крестового похода» белогвардейцев в Сибири...

Стоит добавить, что среди Русских «вандейцев» существовало понимание того, что французская контрреволюция также послужила «матрицей» для контрреволюции русской. Се проявлялось, быть может, наиболее выразительно у Белых поэтов. От Цветаевского хрестоматийного «Молодость. Доблесть. Вандея. Дон» до блистательного Яшинского (также ставшего хрестоматийным):

Мы знаменосцы Реставраций,
Реакционности Исток.
Свобода только в пыльном ранце,
В священной тяжести сапог.
Мы дети будущей Вандеи,
Мы верим в роскошь орифламм.
Пусть разступаются плебеи,
Чтоб не прошёл Грядущий Хам.
Мы примем сталь гилятины
И сокрушающий свинец,
Чтобы в бокалах вспенить вина
Своих простреленных сердец.
Мы сверх-империй патриоты,
Сверхчеловеческий отряд.
Мы знаем, что клинок Шарлотты
Отыщет плоть твою, Марат!

Со стороны французских контрреволюционеров и поныне имеет место быть симпатия к Русской Вандее, как к глубокородственному явлению. Как на пример укажем на правую группу Paris Violence и их композицию «De la vodka et du sang» (видео доступно желающим в «Ю-тубе»). Нам всегда импонировал этот коллектив закоренелых вишистов, прежде всего, “селиновской”, “полунощной” атмосферой их песен, вкупе с антитоталитарным, антикапиталистическим (ибо ка-

питализм, всё-же деръмо) посылом. Есть у них и такое, на русскую тему (а также про Унгерна и диссидентов - жертв советской карательной психиатрии):

Казак, потерянный в степи,
Под разорванным знаменем,
Медленно умирает на снегу
Вдали от своих братьев по неудаче.
С наступлением вечера
Ты чувствуешь, как силы покидают тебя.
Ты без сомнения оставил этот мир,
Когда взойдёт луна.
Водка и кровь,
Одиночная агония в безкрайней белой пустоте.
Водка и слёзы,
Болезненное молчание, которое сменило грохот.
Галопом ты следовал за Деникиным,
Затем за бароном Врангелем.
Влекомый бурей,
Ты пошёл в массированную атаку в пургу.
А сейчас, за исключением бутылки,
Которая должна тебя успокоить, ты совсем один.
Она не оставит тебя в беде,
И есть что выпить за здоровье Царя.

...Выпив «за здоровье Царя», наш виднейший идеолог Народной Монархии, написал: «Я боюсь, что лет через сто великая русская революция будет так же канонизироваться, как до сих пор канонизируется история французской революции. Либеральные ослы всего мира, вот вроде Карлейля, будут вздыхать о романтичности чекистских подвалов так же, как ныне они восторгаются стихийной мощью сентябрьских убийств. Могилы миллионов и десятков миллионов будут забыты. Французская революция уморила голодом полтора миллиона человек. Так называемая русская революция уморила около пятнадцати. Пропорция почти одна и та же, около десяти процентов населения страны. Но, может быть, самое

обидное заключается в том, что еще неизвестные нам будущие либералы и еще неизвестные нам будущие марксисты набросят покрывало романтики на бесконечную цепь унижений, через которую прошли два великих народа. Романисты и историки будут вздыхать о мрачной героике революционных взлетов, повторять прелюбодейное: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые»... - и будут завидовать нам, счастливцам, свидетелям великой эпохи... Или, по крайней мере, тем из нас, которые из этой эпохи ухитрились вырваться живьем. Совершенно забудут о том, что для всего народа, как раньше французского, так теперь и русского, история революции это есть история бесконечных страданий и бесконечного унижения. При мысли об этих историках и романистах становится противно. Настоящая, нефальсифицированная история революции — это есть история разорения и унижений. Каждая русская семья в той или иной степени прошла сквозь эту историю. Именно здесь проходит красная нить всякой революции — именно эту нить будут всячески затушевывать будущие историки и будущие романисты. И нынешнему человечеству, которое стоит вне революции, и будущему человечеству, для которого революция станет далеким и романтизованным прошлым, нужно показать революцию такою, какою она есть: кровь, грязь и бесконечные унижения. Унижения, которые в одинаковой степени охватывают и вчерашних, и сегодняшних, и завтрашних жертв и палачей. От этого унижения избавлены только одни: те, кто честно погибли в бою. Гибель в бою это самая дешевая плата, которую можно отдалась от революции. Я не хочу, чтобы эту фразу поняли как поэтическое преувеличение. Но если вы бы мне в 1917 году предложили на выбор: смерть в бою или все то, что я пережил от 1917 до 1938 года, я безусловно выбрал бы первое» (Иван Солоневич, 1938 год).

д-р Эдуард Юрченко

ФРАНЦУЗСКАЯ АНТИНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исходною точкою нациотворческих процессов современности многие до сих пор считают революционные события во Франции 1789-1794 гг.. Дескать, именно тогда классическая феодально-абсолютистская монархия превратилась в образцовое национальное государство, подавая пример другим европейским странам. Именно там и тогда возникла едва ли не первая в міре «политическая нация» (хотя на самом деле место этого фантома уже давно на свалке истории, где-то рядом с такими симулякрами, как «открытое общество» или «свободный рынок»). Отсюда и преимущественно толерантное отношение исследователей к революционному сумасшествию, которое при всей своей нечеловеческой грубости якобы всё же содействовало «прогрессу» в общеисторической перспективе [1].

Но так ли это было на самом деле?

Псевдонационализм против этнической нации

Итак, основным аргументом в пользу революции со стороны её приверженцев являются утверждения, что будто бы именно она породила французскую нацию и дала толчок к рождению других европейских наций. Безусловно, это утверждение имеет определённый смысл, если рассматривать нацию как некое политическое сообщество. Впрочем, такой взгляд на феномен нации является характерным лишь для либерализма и марксизма. Его поддерживают разнообразнейшие теоретики – от Эрнста Геллнера до Эдуарда Лимонова. Всех их объединяет понимание нации как образования более или менее искусственного, политического, в лучшем случае культурного. Однако не надо забывать о другом значении на-

ции, которое есть прежде всего этническое, когда под нацией понимаются «и мёртвые, и живые, и неродившиеся», то есть нация является органическим сообществом крови и духа, кое рождается, подобно живому существу, независимо от человеческой воли.

Затем, целесообразно было бы разсмотреть роль революции 1789 года в исторической судьбе французской нации именно с этнической точки зрения. Во-первых, следует отметить, что французская этническая нация к началу революции существовала уже по крайней мере восемьсот лет (с X ст. н.э.), а процесс её формирования начался ещё пятью столетиями раньше – с падением Римской власти в Галлии. Французская нация была чрезвычайно разнообразной. Например, французы употребляли (и употребляют) несколько языков и отличались (и отличаются) разными культурными традициями. Но это никогда не мешало им сохранять единство. Безусловное единство французской нации проявлялось прежде всего во времена кризисов и испытаний, в частности во время борьбы с исламским нашествием VIII столетия или во времена «Столетней войны». Во-вторых, во французскую нацию входили все социальные слои: духовенство, дворянство, крестьяне и мещане. Легендарная Жанна д'Арк была простой крестьянкой (дворянский титул ей было дарован позднее). Накануне революции основная часть королевского войска уже несколько столетий составлялась из рекрутированных крестьян, что не мешало им храбро биться за Короля и Францию. В качестве примера высокого уровня национального сознания можно вспомнить, в частности, общественную реакцию на «Обращение Короля Людовика XIV к французам» в 1709 году [2]. Напомним, что тогда Париж в Войне за испанское наследство противостоял почти всеевропейской коалиции и спасти страну от катастрофы мог лишь общенациональный подъём – что, собственно, и состоялось. Поэтому утверждения, что большинство жителей Франции во времена монархии не считало себя французами, не соответствует действительности.

В-третьих, революции ставят в заслугу то, что она навязала французский литературный язык подавляющему большинству населения Франции, что якобы было положительным с националистической точки зрения. Но не надо забывать, что языки французской нации существуют на протяжении веков и являются неотъемлемой частью общефранцузской культуры, поэтому попытки их искоренение были, в сущности, актом культурного геноцида французов. Для того, чтобы понять всю абсурдность усилий революционеров в этой сфере, представим на миг, что украинское государственное руководство запретит трембита и начнёт уничтожать произведения Ивана Франко, мотивируя это «антиукраинскостью» и «реакционностью» западноукраинской культурной специфики. К счастью, эти антифранцузские усилия не имели успеха и в современной Франции миллионы французов свободно владеют своими региональными языками. Но не надо забывать, что вред французской культуре был причинён достаточно существенный.

Отдельной страницей революции является попытка ассилияции других этносов, которые жили на территориях Франции. Ярким примером этого была, в частности, насильническая ассимилирующая политика относительно бретонцев – народа, родственного больше с кельтоязычными ирландцами и шотландцами, чем с романоязычным большинством французов. Причем главнейшим следствием репрессий стало рождение бретонского национализма с антифранцузской окраской. До этого Бретань, которая окончательно вошла в состав Французского королевства в 1532 году, не выдвигала никаких сепаратистских требований и была полностью лояльной к центральной власти. Революция создала бретонскую проблему, которая сейчас угрожает территориальной целостности Франции.

Напоследок можно привести цитату современного французского философа националистического направления Гийома Фая: «Французский национализм ни в коем разе нельзя

приравнивать к якобинскому национализму из-за того, что последний является космополитическим, антиэтническим и парадоксальным образом разрушает ту Францию, которую он якобы любит... Время прекратить объединение национализма с защитой якобинского и космополитического государства-нации. Национализм как концепция должен изменить свой смысл: он должен получить этническое измерение, а не только исключительно политическое и безтелесное» [3].

Революция и антибелый расизм

Накануне революции Франция владела мощной колониальной империей. Наиболее развитой и зажиточной колонией к тому времени было Гаити. Для примера надо заметить, что больше 40% всего сахарного тростника в тогдашнем мире поставлялось именно с Гаити. Население Гаити накануне революции составлялось из приблизительно 500 тысяч чёрнокожих, 20 тысяч белых и 20 тысяч т.н. «свободных цветных» – получивших «вольную» рабов и мулатов. Мулаты, которые составляли отдельную прослойку населения Гаити, появились не в результате межрасовых браков (которые до революции не практиковались в колониях), а вследствие практики т.н. «пласажа». Дело в том, что в колониях католических государств продолжительное время отсутствовали полностью белые женщины в связи с поверьем, что женщина на корабле приносит несчастье. Поскольку большинство колонистов представляли молодые мужчины, они, находясь в окружении цветных рабынь, начали практиковать с ними половые связи. Такая практика и получила название «пласаж», то есть постоянное сожительство, но не брак.

Поскольку следствием этого было появление многочисленного метисированного потомства, королевская власть приняла энергичные меры по завозу в колонии «королевских девушек», то есть молодых незамужних француженок, которых на королевские средства завозили в колонии с целью

заключения чистых в расовом отношении браков. Вследствие этих действий власти процесс метисации удалось замедлить, но значительная часть гаитян уже имела смешанное происхождение.

После того, как во Франции началась революция, «свободные цветные» попробовали поднять восстание с целью достижения равных прав с белыми. Оно было подавлено, но в 1792 году, когда король Людовик XVI Бурбон был фактически устраниён от управления страной (формально он ещё считался действующим главой государства, но находился под домашним арестом в собственном дворце), новая власть провозгласила полное равноправие всех свободных граждан независимо от цвета кожи. Это был безprecedентный случай в мировой истории, поскольку во всех обществах, где существовало рабство по расовым признаком, сначала отменялся институт рабовладения, а лишь потом возбуждался вопрос об уравнении в правах представителей разных рас. Из этого можно сделать вывод, что теоретически допускалась идея об учреждении белой работорговли; аргументом в пользу этого является то, что идеологический предшественник французских революционеров Оливер Кромвель практиковал обращение в рабов белых людей во времена английской республики. После провозглашения равенства белых и цветных, чернокожие рабы подняли восстание, которое отличалось исключительной жестокостью. Уже в первые дни восстания были вырезаны тысячи французов невизиная на их пол и возраст. В некоторых отрядах чернокожих повстанцев в качестве флага использовалось насаженный на копьё белый грудной ребенок. Идеологической основой восстания была сатанинская религия вуду [4].

В этой ужасной ситуации республиканское правительство не только не приложило необходимые усилия для защиты белых, но и старалось маневрировать между ними и взбешёнными чёрными расистами. К счастью для белого населения Гаити, в борьбу вступили войска короля Испании, который

был верен союзнической обязанности относительно Французского королевства. Испанцы проводили гибкую политику, защищая белое население и вместе с тем предоставляя личное освобождение рабам, которые перешли на сторону испанских королевских войск и законного правительства Франции. Надо подчеркнуть, что речь шла исключительно о личном освобождении, а не о предоставлении равных прав с белыми. Напуганное таким развитием событий республиканское руководство провозгласило ликвидацию рабовладения в колониях, сделавши ставку на цветное население, которое имело абсолютное численное превосходство над французами и испанцами. После победы коалиции республиканцев и африканцев над белыми колонистами, Гаити ещё формально входило в состав французской республики, но фактически перешло под власть местных цветных. Наполеон Бонапарт после своего прихода к власти осуществил неудачную попытку возстановления французского контроля над островным владением, но после её поражения остатки белого населения Гаити были безжалостно истреблены.

В других французских колониях кампания по освобождению цветных рабов, начатая в 1790-х годах республиканцами, была свёрнута после установления империи Наполеона. С 1804 по 1848 гг. Франция была монархией, и вопрос об отмене рабства на государственном уровне не возбуждался. Лишь после республиканского путча 1848 года и провозглашения Второй республики цветным была немедленно дана «вольная».

Подытоживая вопрос о вкладе «Великой французской революции» в формирование теории и практики альтернативного (чёрного) расизма, следует заметить, что именно она спровоцировала один из самых страшных в истории прецедентов геноцида на расовой почве и не последнюю роль в этом играла предательская политика республиканского руководства, которое бросило своих соотечественников на верную гибель. Связь между «идеями 1789 года» и их практическим

воплощением на Гаити настолько тесная, что даже позволяет отдельным исследователям констатировать: «... нельзя адекватно изобразить историю Французской революции, опустив гаитянское восстание» [5].

Революция против религии

«Великая французская революция» имела откровенно антихристианский характер. Уже буквально на первом, относительно умеренном её этапе была осуществлена попытка насилиственного реформирования Католической церкви. Защитники революции нередко утверждают, что речь шла лишь о том, чтобы поставить церковь на службу государству; в крайнем случае – о появлении новой христианской конфессии. Но на самом деле «гражданское устройство духовенства» (как деликатно именовалось изнасилование французской церкви) несло в себе вещи, несовместимые не только с католицизмом, который французская нация исповедовала на протяжении всего своего существования, но и с христианством вообще и даже просто со здравым смыслом.

О том, что религиозная конфессия, которая возникла в результате, не могла быть католической по определению, не следует даже говорить. Но безprecedентным насилием над принципами христианской веры стал порядок назначения представителей духовенства, которых должны были избирать все избиратели определённой территории, независимо от их религиозных убеждений. То есть выходило так, что, например, в некоторых городках Лотарингии священника фактически назначала местная иудейская община, которая имела там большинство голосов. До такого издевательства не додумались даже большевики. При этом надо заметить, что много священников эти правила не приняли, за что они были подвергнуты разным репрессивным мерам, в частности и физическому террору.

Следующим этапом эскалации антихристианской политики революционеров стала попытка введения т.н. «культа

разума», что сопровождалось откровенным цинизмом и безпрецедентно жестокими репрессивными мероприятиями с целью искоренения христианства.

Дальше – больше. Очередным актом издевательства над традиционной духовностью французской нации стала попытка внедрения «культа высшего существа». Эта специфическая религиозная система вообще не имела ничего общего ни с христианством, ни с другими известными человечеству верованиями. Соответствующий декрет был принят революционным Конвентом на заседании 18 флореяля II года (7 мая 1794 г.). Сущность культа определялась тремя первыми параграфами этого документа, сформулированными так: «1) Французский народ признаёт существование высшего Существа и бессмертия души. 2) Он признаёт, что достойным высшего Существа культом является выполнения обязанностей человека. 3) На первое место среди этих обязанностей он ставит обязанность гнушаться плохой верой и тиранией, наказывать тиранов и предателей, помогать несчастным, уважать слабых, защищать притесняемых, делать другим всякое возможное добро, не быть несправедливыми ни к кому». Организация культа предполагалась пунктами декрета, которые говорят об установлении праздников для того, чтобы «напоминать человеку о божестве и достоинстве его собственного подобия». Кроме четырёх политических праздников, годовщин 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г. и 31 мая 1793 г., по плану должно было быть ещё 36 праздников. Среди них на первом месте должен был стоять «праздник высшего Существа и Природы». «Природа» потом исчезла из названия праздника. В этом же декрете есть пункт, согласно которому 20 прериала должен был состояться первый такой праздник, посвящённый только высшему Существу [6].

После полного провала «культа высшего Существа» республиканская власть избрала путь объединения репрессий и игнорирования – приблизительно таким способом большевики боролись с христианством во времена советской власти.

Политика была направлена на то, чтобы не провоцировать французов на прямое сопротивление антихристианским репрессиям, но, вместе с тем, постепенно вытеснять все проявления религиозности из национальной жизни. Именно на этом этапе и часть священства, что согласилась на антикатолический «акт о гражданском устройстве духовенства», поняла, чем заканчивается соглашение с дьяволом: золото, которым он платит, превращается в грязь. Они предали свою веру, но государство, которое обещало им за это вознаграждение, отказалось от них, а массы простых французов поддерживали ту часть священства, которая пронесла преданность своей религии сквозь года преследований. Интересным фактом является то, что время относительного смягчения отношения к церкви сопровождалось истинным взрывом религиозной активности среди французов. Церковь начали посещать даже те, кто до революции игнорировал религиозную жизнь. Для миллионов французов церковь стала последним обломком их разрушенной родины...

Той части украинских патриотов, которые скептически относятся к религии Спасителя и являются приверженцами возрождения языческих традиций, интересно будет узнать, что более всего пострадали (а, говоря прямо, были уничтожены) именноrudименты дохристианских верований населения Франции, которые досязали своими корнями кельтского времени. Католицизм с его мощной догматикой и опорой на Священное Писание, в конце концов, смог возродиться достаточно быстро. Живую же народную религиозность, которая имела двоеверный характер и несла в себе черты міровоззрения древних индоевропейцев, была утрачена навсегда.

Геноцид французской нации

Как уже отмечалось выше, революция 1789 года имела язвительным образом антинациональный характер, вызвавши и резню французов на Гаити, и травлю церкви, и фактическое уничтожение французских обычаев и традиций. Однако са-

мым большим преступлением, осуществлённом кровавыми штыками революции, был прямой геноцид французской нации.

Первым тревожным сигналом стала фактическая узурпация власти «третьим сословием», парламентское крыло которого репрезентовали тогда отнюдь не крестьяне и рабочие, а зажиточные буржуа. 17 июня 1789 года депутаты высшего представительного органа – Генеральных штатов – объявили себя «Национальным собранием», не имея на это полномочий. Таким образом, Франция по форме правления начала напоминать республику, хотя самая республика была провозглашена позднее. В дальнейшем, 9 июля, объявив себя уже «Учредительным собранием», они взялись за разработку конституции, целью которой было лишение власти короля и сосредоточение её в руках парламента, подконтрольного антикоролевски настроенной аристократии и зажиточным буржуа.

14 июля мятежники, в ответ на вполне законные действия Людовика XVI по наведению порядка, захватили королевскую тюрьму Бастилию, где находился также и городской арсенал. После штурма Бастилии в Париже началась резня, которой французская столица не видела со времён Варфоломеевской ночи. Следует заметить, что действия мятежников отмечались крайней жестокостью и дикостью. Так, например, мятежники отрубили главу коменданту Бастилии маркизу где Лоне, насадили её на копьё и как трофеи носили по улицам города. Кроме того, голытьба поубивала и инвалидов (калек и старых солдат), что охраняли тюрьму. Довольно симптоматически, что годовщина этого откровенного изуверства является главным государственным праздником современной республиканской Франции.

Парижское народоубийство 14 июля 1789 года стало первым, но далеко не последним эпизодом тотального геноцида французской нации, который совершили главари революции — ярые сторонники установления республики. Недаром

этот период в истории Франции как в отечественной, так и в мировой исторической науке получил название «Большого террора».

6 сентября 1789-го подогретая речами революционных демагогов толпа ворвалась в Версаль, перерезав всю королевскую стражу, а самого монарха заставив переехать в Париж, где он жил фактически в заключении. Самое же Учредительное собрание делилось тогда на две больших политических группировки: роялистов, которые стремились к сохранению сильной королевской власти, и приверженцев конституционной монархии во главе с Мирабо и Лафайетом. Последние опирались, среди прочего, также и на Якобинский клуб — сбирающе заговорщиков-богатеев (ведь сумма членского взноса в эту структуру — 24 ливра в год — была «неподъёмной» для абсолютного большинства французов, даже сравнительно за житочных).

Была и ещё одна группировка в Учредительном собрании, о которой нужно сказать отдельно. Это так называемые «кордильеры» — приверженцы максимального ограничения власти короля. Их лидерами были Жорж Дантон и Камилл Демулен, а также Жан Поль Марат, редактор революционной газеты «Друг народа». Нужно сказать, что в этой газете печатались наихамские материалы антимонархического характера, которые часто переходили на личности. На её столбцах Марат прямо призывал к убийствам и насилию: «Начните с того, чтобы захватить короля, дофина и королевскую семью, приставьте к ним охрану и пусть они отвечают за всё своими головами. Отрубите потом без всяких нерешительностей главы контрреволюционерам, генералам, министрам и бывшим министрам... Возможно, понадобится отрубить 5-6 тысяч голов; однако, если бы даже понадобилось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться ни минуты!»

Кое-кто может говорить о том, что революция уравняла французов в правах. Все они — и «дворяне шпаги», и «дворяне мантии», и большие предприниматели, и рабочие с

крестьянами – стали на первый взгляд равными и обращались один к другому словом «гражданин» или «гражданка». Формально это действительно так, однако на самом деле новая власть вовсе не имела целью достижения реального равноправия, а тем более – разрушения имущественного неравенства, ведь общего избирательного права так и не было введено, голосовать могли лишь т.н. «активные граждане», способные платить налог не меньше среднего десятидневного заработка. Другие же французы считались «пассивными гражданами». Следует отметить, что такие «пассивные граждане» составляли подавляющее большинство населения и это большинство оказалось после революции в крайне тяжёлом положении. Об этом свидетельствует практика функционирования т.н. «Фонда национального имущества», который формировался из конфискованных у дворян, церкви и короля земельных владений. Крестьяне и мещане могли приобрести землю, однако очень часто ради этого им приходилось брать государственный кредит и очень часто неимущие французы становились фактически нищими и попадали в финансовую зависимость от кредитных учреждений. Такая бездарная политика революционных вождей привела к тому, что в стране начались экономический кризис, инфляция и голод.

Что же делал в это время король Франции? Ясная вещь, что его не устраивала роль почётного пленника, тем более, он не мог терпеть откровенного издевательства над французской нацией, которой в своё полновластное правления служил верой и правдой, часто лично помогая самым бедным семьям. В ночь с 20 на 21 июня 1791 года он вместе со своей супругой Марии Антуанеттой сделал попытку вырваться из республиканского плена и с помощью военных, которые в своём большинстве оставались верными престолу, скинуть ярмо революции. Однако карета короля была арестована приверженцами революции, а самого короля препроводили в Париж.

В самой столице революционная клика уже подготовила проект конституции Франции, по коей она фактически становилась республикой. Людовик XVI был вынужден присягнуть ей, что и произошло 14 сентября 1791 года, а ещё через полмесяца было открыто первое заседание новообразованного Законодательного собрания.

Уже весной 1792 года французское правительство умудрилось объявить войну почти всем руководящим государствам Европы — Пруссии, Австрии, Испании и другим странам, что привело к тотальной мобилизации в ряды французской армии и, как следствие, — к недовольству населениявойной. Однако правительству удалось возложить всю вину наещё действующего короля, мотивируя это тем, что настороне прусаков воевали части корпуса принца Конде, которые составлялись большей частью из дворян-эмигрантов и были приверженцами роялистской власти — законной власти Франции.

10 августа 1792-го подстрекаемые агентами антимонархических группировок толпы голытьбы штурмовали Тюильрийский дворец, где жили король и его семья. Заметим, что во время штурма взбешённые парижане перерезали всех дворян, которые оставались при короле и всех до одного 900 швейцарских гвардейцев — его личную охрану. Ответственность за эту резню лежала на комиссарах Коммуны Парижа.

Тем временем, прусская армия и части эмигрантов взяли в осаду крепость Верден. Возникла реальная угроза французской столице. По Парижу распространились слухи, что именно в это решающее для Франции время максимально активизировались контрреволюционеры, а все подозрительные граждане, которые были арестованы, якобы готовят восстание, разсчитывая на поддержку из-за границы. С 2 до 5 сентября стаи вооружённых санкюлотов (как правило, из самых бедных и морально деградировавших слоёв населения — опоры революционеров) врывались в тюрьмы и безжалостно уничтожали абсолютно всех узников — криминальных и политических, женщин и детей.

22 сентября узурпаторы поставили последнюю точку в перетянутой на себя всей полноте власти, объявив, что власть короля отменяется и отныне Франция является республикой. Монтаньяры, ощущая полную безнаказанность, и, очевидно, ощущая себя хозяевами ситуации, возжелали смертной казни короля. Попытки жирондистов противостоять им с треском провалились и 21 января 1793 года король Людовик XVI был казнён. Такая же судьба ждала и жирондистов, 2 июня монтаньярские мятежники с помощью подконтрольной им т.н. «национальной гвардии» окружили здание Конвента и под прицелом ружей вывели из него всех тех, кто ещё составлял оппозицию политике революционной «Горы». Многие из них в скором времени были отправлены на гильотину. С того времени слова «порядок» и «смерть» стали синонимами в узурпированной кучкой дегенератов Франции.

Вчерашие приверженцы революции в атмосфере тотального террора и жёсткой диктатуры стали ярыми её врагами. Народное наказание пришло и к некоторым предводителям правящей клики, например Марату, который был убит Шарлоттою Корде — она мотивировала своё решение тем, что считала его главным виновником расправ с противниками диктатуры. Но смерть Марата лишь побуждала якобинцев к эскалации террора.

В 1794 году был издан ряд декретов, которые положили начало «большому террору». В этих декретах впервые появилось определение «враги народа» (не его ли 130 лет спустя поизменивали большевики?). «Врагами народа» объявлялись все, кто вызывал хотя бы минимальное подозрение у власти, таких «врагов» часто без суда отправляли на гильотину.

Провинцию начали прочёсывать революционные подразделы, прозванные «адскими колонами». Тот, кто не успевал спрятаться от них в лесах, гибнул в страшных мучениях. Солдаты революции прежде всего насиливали женщин, а потом убивали их. Они разбивали прикладами головы людям

преклонного возраста, закалывали штыками грудных детей в колыбелях. Зачастую солдаты развлекались, перебрасывая грудного ребёнка со штыка на штык. Республиканский генерал Вестерманн докладывал парижскому Комитету общественного спасения: «Действуя согласно полученным приказам, мы топтали детей лошадиными копытами, вырезали женщин, которые – во всяком случае, эти – уже никогда не будут рождать бандитов. Не могу похвастаться никаким пленными. Мы уничтожили всех».

Республиканским генералам было жаль тратить пуль против гражданского населения. Поэтому зачастую в ход шли штыки. Но и штыки не выдерживали и ломались. Поэтому тысячи пленённых, вместе с женщинами и детьми начали погружать на старые корабли. А потом топили их посреди Луары. Солдаты, которые сидели в шлюпках, добивали тех, кому всё же удавалось выбраться на поверхность.

«Приказываю сжигать всё, что подвергается сжиганию, и брать на штыки всех, кого вы встретите на своём пути, – требовал республиканский генерал Гриньон. – Я знаю, что в этой местности ещё остались преданные нам патриоты. Однако надо уничтожить всех».

Более всего поражают описания сжигания живьём в печи детей и женщин, которые гибли с ужасными воплями на устах. «В связи с отсутствием женщин-бунтовщиков, солдаты взялись за жён лояльных нам патриотов. Уже 23 такие женщины были подвергнуты нечеловеческой пытке», – докладывал Жанне, офицер полиции, верной республиканцам.

В местности Клиссон солдаты вкопали в землю котёл, положили на него решётку, и на этой решётке сожгли 150 женщин. «Десять бочек с жиром я выслал в Нант. Это был жир высшего качества, его использовали в госпиталях», – сознавался позднее один из солдат. В городе Анжер с людей живьём сдирали кожу для штанов высшим офицерам. Кожу сдирали от пояса вниз и благодаря этому штаны, по замыслу, должны были плотно прилегать к телу [7].

В завершение интересно будет привести сведения о количестве жертв революции согласно расчётам известного демографа Бориса Урланиса. За четверть столетия (до 1814 года – конца наполеоновских войн – включительно) революция пожрала, по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн. человеческих жизней. Это может показаться не такой уж огромной цифрой, если забыть, что население Франции было тогда в 6-7 раз меньше населения России эпохи её революции (и, таким образом, гибель 4 млн. французов соответствовала гибели 25-30 млн. подданных Российской империи начала XX столетия) и что в конце XVIII столетия не было тех средств массового уничтожения, которые «прогресс» создал за следующие более чем сто лет. Убыток был настолько значительный, что французская нация так и не смогла после этого окончательно возстановиться и он стал причиной уменьшения роста населения в Франции в течение всех следующих десятилетий: накануне революции население Франции составляло 25 млн. человек, Великобритании – 11 млн., Германии – 24 млн., а к концу XIX столетия имеем, соответственно, 38 млн., 37 млн. и 56 млн.; то есть, население Германии выросло в два с лишним раза, Великобритании – даже в три с лишним, а Франции – лишь на 50 процентов... [8].

Революция Хама

Ярким признаком революции были проявления безпрецедентной моральной дегенерации её предводителей и активистов. Ознакомление с преступлениями, которые были осуществлены в ходе революции, вызывает не столько ужас, сколько отвращение. Причём, говорить об этом можно уже с первых дней революции. Приведём лишь несколько примеров.

В самом начале революции подлость её предводителей и рядовых бунтовщиков проявилась в расправе над гарнизоном Бастилии. Дело в том, что его солдатам со стороны участников штурма была гарантирована свобода и физическая не-

прикосновенность. На момент своей капитуляции крепость имела все возможности для защиты и, если бы её охранникам и не довелось бы остаться живыми, то они по крайней мере дорого продали свою жизнь. Но они поверили в слово революционеров, которое, как оказалось, не стоило и ломанного гроша. Особую гнусность этому событию придаёт то, что подавляющее большинство солдат гарнизона составляли инвалиды, то есть или исколеченные, или просто старые ветераны многочисленных войн XVIII столетия. Их умышленно держали в тылу, чтобы не подвергать опасности в случае военного конфликта. Но старым солдатам, которые пережили войны с сильнейшими государствами Европы, выпало умереть от рук своих же французских предателей...

Другой глубоко позорной страницей революции был процесс Марии Антуанетты. Революционерам было мало расправы над бывшей Королевой, они хотели в первую очередь её унизить. В ходе процесса обвинитель Гебер попробовал утверждать, что якобы Королева находилась в противоестественной сексуальной связи со своим восьмилетним сыном. Публика, которая присутствовала на процессе, составлялась из людей, которые не просто не сочувствовали Марии Антуанетте, а вообще её ненавидели (не будем забывать, что именно Королева была главной мишенью антимонархической пропаганды). Тем не менее, обвинение было выслушано в абсолютной тишине, за которой ощущался шок людей, которые поняли всю абсурдность этих ужасных упрёков. Позднее, когда судья повторил вопрос относительно отношений Марии Антуанетты и её сына, Королева ответила: «Если я не отвечала на эти вопросы, то только потому, что возводить такое обвинение на матерь глубоко противоестественно. Мои слова могут подтвердить все женщины и матери в этом зале». В этот момент в числе присутствующих женщин поднялось большое волнение и многие из них разрыдались. Нужно ещё раз подчеркнуть, что все эти женщины были настроены революционно и пришли на суд насладиться унижением бывшей

Королевы, но неадекватное поведение представителей революционного «правосудия» поразило даже их. Характерно то, что Максимилиана Робеспьера, которого сейчас стараются изобразить благородным и идеалистическим революционером, невероятно разозлило это событие, но совсем не потому, что он был шокирован отвратительным поведением Гебера, а потому, что тот неумело солгал и тем самым вызвал сочувствие к Королеве. То есть «неподкупного» (так именовали Робеспьера почитатели) не огорчили ни сам факт циничного вранья, ни жестокость издевательства над беззащитной женщиной. Единственное, что вызвало его негодование, – это неумение навести клевету.

И, в конце концов, третьим примером, который подтверждает глубокую моральную дегенерацию революционеров, было их поведение во время гражданской войны. Дело в том, что приверженцы королевской власти сначала не убивали пленённых республиканцев, а нередко и вообще отпускали, взявши с них слово не воевать больше против Короля. В результате среди республиканских войск, посланных против повстанцев-монархистов, распространилось стойкое нежелание воевать за интересы парижской клики и они всё чаще переходили на сторону приверженцев Короля. Это вызвало глубокое беспокойство среди республиканского руководства, которое немедленно объявило милосердие со стороны королевских солдат «ложивым гуманизмом» и «коварностью контрреволюционеров». Решение республиканцы нашли очень простое: максимальная эскалация резни гражданского населения в регионах, охваченных восстанием. Расчёт был чрезвычайно простой: крестьянин, который знает, что его супругу зверски убили (после многократного изнасилования), а из её мёртвого истерзанного тела вытопили жир «для нужд республики», едва ли пожалеет пленённого солдата республики. Чрез некоторое время повстанцы начали отвечать жестокостью на жестокость и дисциплина в республиканских войсках резко возросла. Приведённые

примеры ярко характеризуют руководство республики с моральной точки зрения.

Возникает закономерный вопрос: кто же был опорой революции, кто её возглавлял (не на наивысшем – на среднем уровне), кто осуществлял геноцид собственного народа, кто разрушил сильнейшую и богатейшую к тому времени страну Европы? Дело в том, что основной опорой французской революции был Хам, который имел три главы – как чудовище из детских сказок. Имя этим главам было: Хам-Люмпен (не путать с трудящимися), Хам-Буржуа (не путать с большинством мелких и средних предпринимателей) и, в конце концов, третья, самая страшная, глава – Хам-Псевдоинтеллигент [9].

Хам-Люмпен был отвратительным порождением времени ранней индустриализации, когда в недрах больших городов возникла специфическая прослойка населения, типичные представители которого балансировали между неквалифицированной физической работой и откровенным паразитированием. Они не имели адекватной квалификации ремесленников, не имели образования и не имели привычек работы на земле. Именно они стали дубьём в руках революционного руководства, а сами от революции получили чрезвычайно простое вознаграждение – возможность безнаказанно грабить, убивать, насиливать.

Второй главой был Хам-Буржуа, который усматривал в старом режиме препятствие для безграничного эксплуатирования трудящегося люда. Революция предоставила для такого буржуа-вампира чрезвычайно широкие возможности, которыми он с наслаждением пользовался даже в моменты максимального полевения республиканского режима.

Третьей главой был, как уже отмечалось, Хам-Псевдоинтеллигент – специфический типаж, широко представленный в разных органах революционной власти. Характерными особенностями такой паразитарной личности было примитивное образование низкого уровня в объединении с

неумением (и категоричным нежеланием) работать физически. Примитивного ума этого «интеллектуального авангарда революции» хватало ровно настолько, чтобы овладеть несколькими идеями из наиболее «попсовой» части интеллектуальной литературы того времени, причём без их адекватного понимания. К тому же, их поверхностное образование позволяло им «ездить по ушам» неграмотным люмпенам, которые относились к своим предводителям по принципу «употребляет незнакомые слова – значит, вумный». Для того, чтобы понять весь ужас господства такой «элиты», представим себе на минуту, что к власти в Украине пришла часть менеджеров среднего звена с незаконченным высшим образованием и решила массово навязать украинцам отдельно взятые идеи, например, Карлоса Кастанеды (при том, что эти отдельно взятые идеи они сами надлежащим образом не понимают). Идеи, которые понравились этим новым вождям, они навязывали бы путём массового уничтожения всех несогласных да и вообще тех, кому не нашлось места в картине будущего, которая зародилась в их болезненном сознании.

Понятно, что следствия для подавляющего большинства французов были абсолютно ужасные: под громкое декларирование разных «свобод» их лишили элементарных повседневных прав, которые они сохраняли даже во времена наиболее сурового крепостничества. Уже в начале революции были запрещены профессиональные объединения. За их восстановление в форме профсоюзов рабочий класс Франции потом боролся на протяжении почти всего XIX столетия, и борьба эта сопровождалась большой кровью и безprecedентным экономическим угнетением. Крестьяне были лишены права на сельский сход, которым они пользовались на протяжении более чем тысячелетнего существования Французского королевства. Таким образом революция разрушила действенный механизм народного самоуправления. Крестьянин всегда был частью сорганизованной общины, которая предоставляла ему помочь и в противостоянии угрозам внешнего мира, и в про-

тиворечиях с местным феодалом. Но буквально в один миг он был лишен эта поддержки. Самое страшное заключалось в том, что подавляющее большинство крестьян принадлежало к упоминавшимся выше «пассивным гражданам», то есть было лишено элементарных политических прав. Неграмотных, безправных, полностью дезориентированных крестьян бросили на поругание паразитарной буржуазии и бездушным республиканским чиновникам. Не следует объяснять, что обе эти силы были глубоко чужды крестьянину и, в отличие от феодала-аристократа, компромисс с ними найти было невозможно, поскольку они были представителями абсолютно чужого и непонятного для крестьянина мира.

Не лишним будет остановиться и на отношении революционной верхушки к французской интеллигенции или, другими словами, на отношении примитивных псевдоинтеллигентных недоучек к интеллигенции в изначальном, полном понимании этого слова. Ярким примером здесь может служить судьба выдающегося французского учёного и исследователя Лавуазье, который, будучи осуждённым к смерти, попросил отсрочки на несколько дней ради того, чтобы завершить свои эксперименты, которые он считал важными для республики; ему категорически отказали с формулировкой, что его эксперименты не имеют никакого значения.

Другим примером разрушительного антиинтеллектуализма революционной верхушки было полное прекращение публикации работ Шарля Луи Монтескье во времена якобинской диктатуры [10]. Выдающегося французского философа, как это не удивительно, нередко причисляют к предшественникам и даже идеологам революции, но при этом забывают, что он был убеждённым монархистом (хотя и конституционным) и приверженцем важной роли традиционной аристократии.

Каким же образом относительно небольшой процент преимущественно наиболее плохих членов общества смог захватить власть в самой большой стране Европы и подчинить её население? Почему французы не воспротивились?

Национально-освободительное движение

Наперекор распространённому мнению, большинство населения Революцию не только не поддержало, но и активно ей сопротивлялось. Наиболее известным проявлением национально-освободительной борьбы французской нации стало Вандейское восстание. Нужно сразу заметить, что название «Вандейское» является условным, поскольку восстание охватило не только департамент Вандея, но и вообще западную часть Франции, другое дело, что именно Вандея стала главной сердцевиной повстанцев, которые на её территориях неоднократно наносили поражение республиканским войскам, невзирая на их абсолютное техническое преимущество (временами повстанцы в прямом смысле сего слова бились вилами против пушек).

Успешность восстания именно на западе Франции было обусловлено прежде всего тем, что там лучше всего сохранилась традиционная общественная структура. Количество представителей трёхголового Хама было чрезвычайно низким, а духовенство и дворянство, наоборот, пользовались большим влиянием.

В общем, партизанская война против республики с большим или меньшим размахом велась на всей территории Франции. Дабы максимально представить масштабы повстанческого движения, приведём цитату Евгения Тарле: «Разбойничьи стаи, которые сделали непроезжими вплоть до конца Директории все дороги южной и центральной Франции, приобрели характер огромного социального бедствия. Они среди белого дня останавливали дилижансы и кареты на больших дорогах, иногда удовлетворялись ограблением, чаще убивали пассажиров, нападали открыто на сёла, долгими часами подвергали пытке на медленном огне похищенных людей, требуя указать, где запрятанные деньги (их так и называли тогда «поджигателями»), иногда осуществляли набеги и на города. Эти ватаги прикрывались флагом Бурбонов; люди эти якобы отомщали за сброшенный Королевский Трон и Католический

Алтарь. В эти банды и в самом деле шли люди, непосредственно и лично потерпевшие от Революции. Ходили слухи (что так и остались непроверенными, но очень правдоподобные), будто некоторые из предводителей этих банд отдают часть награбленного агентам роялизма» [11].

Не очень привлекательный образ роялистских партизан, обрисованный выше, обусловлен тем, что Тарле был советским историком-сталинистом, для которого одной из руководящих задач было очернение в своих исторических исследованиях тех, кого большевики считали своими врагами, а к таким коммунистические преемники революции 1789 года однозначно относили французских Белых партизан. Нам, украинцам, более чем знакомой кажется коммунистическая риторика, когда хорошо сорганизованное партизанское войско, которое в борьбе опирается на поддержку трудового народа, приравнивают к бандформированиям и, вместе с тем, обвиняют в измене родине.

За что же бились вандейцы? Прежде всего они бились за родину, за страну, которая была мощнейшей в Европе (а фактически и в мире). За страну, где жили и умирали поколения их пращуров. Этой страной было Французское Королевство, и эта страна была разрушена бандой авантюристов, которые на её месте попробовали выстроить чужую и вражескую машину под названием «республика». А то, что эта республика именовалась «французской» и должна была подменить людям убитую родину, вызывает ассоциацию с народными сказаниями об упиряях, которые приходят сосать кровь под видом близкого человека. Во-вторых, они бились за Веру – веру своих родителей, которую на момент революции французский народ исповедовал уже больше тысячи лет и каковая включила в себя всё то лучшее, что было в дохристианских верованиях народов, от коих происходили французы. И, в конце концов, в-третьих, они бились за свободу – не её фантомный призрак, которым старались заморочить их разрушители Франции, а вполне реальную, конкретную человеческую сво-

боду, которую у них Революция отняла. За свободу, которую защищали Жанна д'Арк и Вильям Уоллес, Карл Мартелл и Святослав Храбрый и миллионы других европейских героев, которые прожили свою достославную жизнь задолго до появления печальноизвестной «Декларации прав человека и гражданина».

Абсолютно безосновательными являются обвинения представителей французского Правого сопротивления в национальной измене, и в том, что они якобы поддерживали интервентов в борьбе против Франции. Во-первых, так называемые интервенты появились на территориях Франции исключительно в связи с полной бездарностью командования революционной армии, которое не смогло реализовать поставленный политическим руководством план агрессии против стран Европы. Революционное руководство первым объявило войну руководящим европейским государствам, которые, в свою очередь, не считали себя врагами французского Короля, и с точки зрения международного права тех времён с Францией вообще не воевали. Иностранные союзники французского Короля и народа считали республиканский режим бандой мятежников. А официальным главой государства признавали сначала Короля Людовика XVI, а после его гибели – его малолетнего сына Людовика XVII. Вопрос об оккупации или расчленении Франции не стоял даже теоретически. Надобно подчеркнуть, что такие страны, как Австрия и Испания ещё задолго до Революции были надёжными союзниками Франции и были непосредственно заинтересованы в сохранении её могущества. Следует также помнить, что войны периода республики имели своей целью исключительно экспорт Революции, находясь в глубоком противоречии с национальными интересами французов.

Почему же тогда выиграла Революция? На этот вопрос можно ответить встречным: а почему украинцы позволяли устраивать голодоморы на своей земле? А почему мы, вопреки всем усилиям, ещё и до сих пор не имеем по-настоящему

украинской Украины? Главным оружием врагов рода человеческого всегда был страх. Главным инструментом Революции был террор, и французы, которые пытались сопротивляться, расплачивались за это не только своими жизнями, но и жизнями своих близких. Далеко не каждый человек психологически готов пожертвовать своей жизнью и жизнями близких. Подобно тому, как большевики путём запугивания и зомбирования выводили породу под названием «советский человек», так и руководство тогдашней французской республики выводило отвлечённо-космополитического «гражданина».

Но борьба вандейцев и других французских борцов против республики имеет вневременное значение: они первыми зажгли огонь борьбы за освобождения своей страны от враждебных европейским народам сил. Все европейские Правые являются наследниками их жертвенной борьбы. Защищая свою родину, они защищали все европейские народы, их борьба имеет прежде всего моральное значение — она показало то, что, вопреки жесточайшему террору, среди французов обрелось множество людей, готовых защищать Веру, Родину и Свободу.

«Французская» республика и «российский» совок

При изучении истории революции 1789 года сознательно или нет возникают параллели с октябрьским переворотом 1917-го. Интересно будет проанализировать «Великую французскую революцию» под этим углом зрения. Первое, что сразу бросается в глаза, — это болезненное псевдомесианство, что в одинаковой мере было присуще как советскому «патриотизму», так и республиканскому «патриотизму» французских революционеров. И первые и вторые ставили себе за цель навязывание своих взглядов и образа жизни всему человечеству. Характерно, что оба этих явления искали своё оправдание не в адекватной защите национальных интересов, а в идее «осчастливления» человечества — которое об этом, конечно же, не просило. Отличие между якобинским

«патриотизмом» (эпигонами которого являются советские «патриоты») и этническим национализмом лучше всего сформулировал основатель интегрального национализма Шарль Моррас: «...если события спросят: родина или человечество, что мы тогда должны делать? Те, кто скажет: Франция превыше всего, это – патриоты; а те, кто скажет: «Франция, но...» – это апостолы гуманизма». А вот как комментирует это исследователь национал-революционных движений Эрнст Нольте: «Постулат абсолютного суверенитета понуждает Морраса к решающему шагу, который выразительно отделяет его взгляды от якобинского национализма. Этот национализм никогда не делал принципиального отличия между нациями и человечеством: для него революционное становление наций на руинах “старого режима” является лишь этапом развития человечества и Франция, как передовая страна, должна передать эту миссию всем народам. Без этого действия, без этой миссии нация была бы ничем: якобинский национализм не нарциссичный, а мессианский по своей природе» [12].

Второй чертой, которая роднит французских революционеров с их советскими преемниками, является специфическое объединение шовинизма с космополитизмом. Безусловно, шовинизм и космополитизм – явления якобы противоположные, но в том-то и дело, что всё зависит от того, как понимать нацию. Был ли присущим французским революционерам шовинизм? Безусловно. Аббат Баррюель, критикуя политику якобинцев, писал: «Национализм занял место общей любви. Стало допустимым пренебрегать, обманывать и обижать иностранцев. И все эти действия возводились в ранг патриотизма. Якобинские вожди абсолютно чётко “этнизировали” своих противников: “Федерализм и предразсудки говорят бретонским диалектом, эмиграция и ненависть к Республике – по-немецки, контрреволюция – по-итальянски, а сепаратизм – по-баскски”. С 1792 года республиканский «патриотизм» приобрёл ярко выраженные черты воинствующего шовинизма. Его признаками были и возведённое к уровню государственной политики недоверие к иностранцам, и страх

перед вражеским окружением, и презрение к политически «отсталым» соседям, и откровенное стремление к аннексии и другим формам внешней экспансии.

Но шовинизм этот странным образом объединялся с абсолютным равнодушием в вопросах происхождения. Для французского революционного шовиниста вражескими были лишь те иностранцы, которые не хотели признавать лозунга революции, фактически его врагом был любой человек (не исключая французов), который старался уберечь свою культурную идентичность и не хотел воспринимать идеалы т.н. «свободы, равенства и братства». Следует подчеркнуть, что эти идеалы имеют такое же отношение к традиционным ценностям французской нации, как и к верованиям папуасов или индейцев Амазонии. Французский язык, который революционеры силой навязывали несчастным бретонцам, интересовал их не потому, что он был французским, а потому, что он был языком революции. Как здесь не вспомнить слова ведущего коммунистического поэта Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Последнее, что объединяет франко-республиканскую и советскую версии патриотизма, – это их глубоко разрушительные следствия для этнической нации, которая, в сущности, превращается в топливо для материализации химер революционного сознания. Результатом этого является потеря национальной идентичности (вплоть до изменения антропологических характеристик), колоссальные демографические потери, и, самое страшное, – мутация менталитета, которая делает нацию беззащитной биомассой, «гумусом» для развития других этносов, более здоровых в социально-психологическом плане. Для того, чтобы убедиться в уместности этих слов, довольно пройтись улицами современных Парижа и Москвы.

Последствия революции

1. Франция получила колоссальные экономические, демографические, геополитические и культурные потери. Страна,

которая накануне Революции была гегемоном континентальной Европы и вплотную приблизилась к геополитической победе над Британией, превратилась в государство второго, если не третьего сорта. В XIX столетии Франция была младшим партнёром Британской империи, в XX – попала в зависимость от Соединённых Штатов, а ныне стоит в авангарде разрушительной антинациональной глобализации.

2. Для Европы Французская Революция вылилась во всеобщую гражданскую войну, которая разрушила континентальный блок, коий фактически был создан уже в XVIII столетии вокруг оси Париж-Вена. Разрушение традиционного порядка превратило европейские нации в игрушку в руках враждущих антиевропейских сил.

3. Самый страшный удар по Европейской цивилизации был причинён в духовной сфере. Появились три идеологии, которые являются наибольшей угрозой для свободы, идентичности и непосредственного биологического существования европейских народов. Речь идёт о космополитическом капитализме с его глобализацией, интернациональном социализме с его сумасшедшей идеей мировой революции и постъякобинском псевдонационализме, который диковинно синтезирует в себе космополитизм и деструктивный шовинизм и подменяет защиту интересов реальной нации обслуживанием призрака нации как некоей искусственной конструкции. Едва ли нужно пояснить, что искусственная нация имеет такое же отношение к нации этнической, как монстр доктора Франкенштейна, сшитый из частей мёртвых тел, – к живому человеку.

Р.С. Но печальная и поучительная история «Великой антинациональной революции» – это не только история разрушения мощнейшего государства в своё время и геноцида наиболее многочисленной (на тот момент) европейской нации. Это также история героического сопротивления Правых бойцов, которые стали на защиту своей нации. Самое понятие «Правый» происходит от роялистского сопротивления времён Ре-

воляции. Правые повстанцы продемонстрировали эталон героизма и преданности и передали факел своей борьбы следующим поколениям борцов за свободу Европы. Европейское Правое сопротивление XIX ст. было идеино и организационно связано с сопротивлением французских Правых времени Революции. А первое в истории национал-революционное движение «Французское действие» было предвестником Национальной Революции 20-40 гг. XX столетия, прямыми преемниками которой являются современные европейские ультраправые. Особое значения эта наследственность приобретает для нас, украинцев, которые пережили в XX ст. самый страшный за свою историю геноцид именно со стороны коммунистических последователей «идей 1789 года» и чьё повстанческое сопротивление так напоминало сопротивление вандейских героев.

Примечания:

1. См., напр., даже одну из наиболее научно корректных работ по соответствующей проблематики в современной Украине: Касьянов Г.В. Теории наций и национализма: Монография. - К.: Лыбедь, 1999. - С. 109-118.
2. Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания: Пер. с франц. И.А. Эгипти. - СПб.: Евразия, 2008. - С. 295.
3. Фай Г. За что мы сражаемся? Идеологический словарь: Пер. с франц. А.М. Иванова. - М.: ИЦ «Слава»; Форт-Профи, 2007. - С. 144.
4. После катастрофического землетрясения на Гаити 12 января 2010 года, которое почти полностью разрушило страну и послужило причиной гибели 300 тысяч её жителей, некоторые теологи, политики и публицисты делали ударение на том, что этот катаклизм был наказанием за массовое использование гаитянами сатанинских практик. См., напр.: Стешин Д. Битва Богов: Республику Гаити сгубил культ Вуду? // Комсомольская правда в Украине. - 2010. - 18 января. - С. 9.

5. Сайд Э. Культура и имперализм: Пер. с англ. – К.: Критика, 2007. - С. 387.
6. Олар А. Христианство и французская революция. 1789-1802 // <http://www.krotov.info/history/18/1789rev/olar.htm>.
7. Rewolucja francuska nauczycielk ludobyjcyw // <http://www.wprost.pl/ar/108493/Mistrzowie-Hitlera/>.
8. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. - М.: Соцэкиз, 1960. - С. 393.
9. Термин «интеллигенция» (от лат. *intelligens* — тот, что понимает, мыслит; умный) введено русским писателем Петром Боборыкиным (1836-1921) в 1860-х годах для обозначения общественной прослойки людей, которые профессионально занимаются умственной (в частности, творческой) работой, развитием и распространением культуры. Со временем, однако, это понятие испытало существенную содержательную трансформацию. Вследствие неоправданного расширения круга обозначаемых им явлений (среди прочего, через систематическое употребление советской пропагандой словосочетаний «трудовая интеллигенция», «рабочая интеллигенция» и т.п.), сей термин был в значительной мере дискредитирован. Ныне всё больше исследователей противопоставляют «интеллигентов» как своего рода «умственных обывателей», дилетантов-конъюнктурщиков, предрасположенных к некритическому усвоению любых «модных» идей, собственно интеллектуалам. Кроме того, сегодня уместнее было бы говорить именно о Хаме-Интеллигентоиде без добавления частицы «псевдо». Однако, учитывая некоторые до сих пор актуальные стереотипы, в этом тексте термин используется как показатель ошибочности и безосновательности претензий названной общественной группы на культурное и интеллектуальное лидерство и вообще на любую социальную полезность.
10. Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология / Отв. ред. Г.С. Кучеренко. - М.: Наука, 1988. - С. 175.

11. Тарле Е.В. Наполеон. - М., 1941. - <http://militera.lib.ru/bio/tarle1/05.html>.

12. Нольте Э. Фашизм в его эпохе: Пер. с нем. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. - С. 119.

Перевод – Роман Раскольников

Иван Калюга

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР О ПРИРОДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Французская революция, безусловно, чрезвычайно повлияла на судьбу Европы и мира в целом. Ей, едва сойдя со страниц трудов философов Просвещения, суждено было втоптать в грязь эпоху старого порядка, обильно окропив свой путь кровью. Конфликт, содержавшийся в основе отношения революции к действительности, из-за неоднородности субстрата, на котором она проросла, дублировался аналогичными отношениями и внутри её самой, поэтому борьба противоречий фактически стала её методом развертывания во времени. Оставив позади этап конституционной монархии, Франция примеряет на себя республиканскую форму правления, оказавшись таким образом в роли «белой (красной?) вороны» на фоне монархической Европы. Поэтому неизбежной была её вооружённая конфронтация с внешним миром, что вылилось в ведение революционных войн.

Революция активизировала большие человеческие массы внутри страны, поставив их перед необходимостью выбора позиций. Энтузиасты с головой погружались в водоворот событий, радостно приветствуя разрушение старых традиций, значительная часть людей избрала для себя жёсткую оппозицию революции, провозгласив делом чести активную борьбу против неё внутри страны, были и те, кто избрал бегство от её влияний единственно верным для себя решением. Среди последних оказался потомок французских аристократов, подданный Сардинского королевства, граф Жозеф де Местр. После вторжения французских войск в его родину Савойю в 1792 году он вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где в 1796 году им был создан труд «Размышления о Франции». В нём де Местр изложил собственное видение револю-

ционных событий. Этот труд родился не из беспросветного отчаяния савояра, вынужденного покинуть родные места и пережить мировоззренческий кризис, мнение де Местра не подвигала исключительно тоска по утраченному прошлому, эмиграция и взгляд со стороны дали ему простор для свободного развертывания собственной деятельности, и, принимая вызовы времени, он ставит свое слово на службу грядущей контрреволюции.

Анализируя природу революции и разоблачая её внутренние механизмы, де Местр предсказывает её непременное преодоление. Данная позиция казалась довольно причудливой в контексте лет написания «Размышлений», ведь мощь Директории, пришедшей к власти вследствие термидорианского переворота, казалась вопросом решённым. Бенжамен Констан, этот апологет установленного нового порядка, например, выдал защитную речь в пользу Директории под названием «О силе современного правительства и необходимости к нему присоединиться», в которой тогдашняя власть провозглашалась единственной способной как защитить революционные притязания в рамках 1789 года, так и противостоять новым волнам бунта, одновременно призывая роялистов к сложению оружия.

Лейтмотивом данной речи было убеждение в том, что продолжение вражды и страх перед ожидаемым применением контрреволюцией на пути к победе методов, аналогичных революционному террору, не предвещали ничего, кроме более глубокого погружения страны в бездну кровавого хаоса. Однако де Местр не стеснялся роли чудака, полемизируя с Констаном, он с готовностью берётся опровергнуть тезисы, приведённые тем, закрываясь от нападений за стеной догматизма и взяв на вооружение ряд парадоксов. Хотя неортодоксальность его мысли не могла позволить его идеям стать признанным указателем в среде дворянской эмиграции и роялистского подполья, этот савояр всё же обрел нетривиальных читателей в лице Людовика XVIII и Наполеона Бонапарта,

а реставрация Бурбонов подтвердила верность ряда его пророчеств.

Пытаясь постичь сущность потрясений, всколыхнувших такую родную его сердцу Францию, де Местр выстраивает собственную оригинальную концепцию, где он с яростью Льва нападает на пороки общества, что породило революцию и изображает низость поборников её идеалов.

Жозефа де Местра беспокоит роль и место человека в событиях, охвативших Францию. Пытаясь определить их настоящего архитектора, достойной высмеивания ему казалась мысль о том, что события, которые разворачивались на его глазах, были подготовленными исключительно силами человеческой воли. Человек скорее виделся ему всего лишь прглашённым на кровавый пир Революции, где он оказывался в роли орудия в невидимых руках. Революция, как считает де Местр, творит себя самостоятельно, вступая на арену истории в виде кары, управляемой Провидением. На мысль о вмешательстве Божественных сил в процесс революции его наталкивал тот факт, что несмотря ни на что республиканской Франции удалось выстоять в борьбе против мощной силы объединённой монархической Европы. Де Местра также удивляла посредственность и бездарность фигур, оказавшихся у руля, по сравнению с масштабом событий, в которых им пришлось участвовать, он не мог представить, что воля таких людей могла запустить зловещие механизмы. Так что ни Робеспьер, ни Мирабо, ни кто-либо другой даже не подозревали о том, что они являются лишь избранными на роль орудий для воплощения великой миссии кары.

Но, если революция является воплощением кары, посланной Богом на Землю, то в чём же состояла вина Франции, и на кого возлагалось её величайшее бремя? От обвинений де Местра сложно скрыться. Сам дух XVIII века признаётся виновным. Из-под пера савояра выходит образ революции, призывающей к ответу за совершённые грехи либеральное дворянство, избравшее для себя деградацию в рамках увлече-

чения идеями Просвещения, и духовенство, представители которого допустили распространение разврата в собственных кругах, пагубно влияя на общественную мораль. Свои упрёки де Местр распространяет и на народ и даже монархию, продемонстрировавшую свою слабость.

Тем не менее, самым тяжким преступлением де Местр считает посягательство на суверенитет, особенно когда его носителем является человек, чья жизнь приносится в жертву совершенно ложным идеалам. А казнь суверена, осуществленная от имени нации, значительно расширяет круг виновников, не ограничивая его собственно инициаторами данного акта. Де Местру не понятно то молчаливое согласие с приговором Монарху, царившее среди тысяч свидетелей последних минут жизни Короля на площади Революции. Таким образом, самое тяжкое преступление может быть искуплено лишь путём отбывания злейшего наказания. К тому же, жертвами народа до сих пор становились короли, которые были живым олицетворением христианской морали – к такому выводу подводит читателя де Местр, проводя параллели между жестокой судьбой английского и французского монархов, Карла I и Людовика XVI, обрисовывая их последние дни и минуты жизни исполненными смиренной подготовкой к встрече со смертью.

Казнь Людовика XVI ознаменовала собой точку невозврата для многих врагов революции, но и здесь де Местром занимается своеобразная позиция. Разоблачая преступный характер Революции, он все же не отчаивается от созерцания её уверенного овладения Францией. Напротив, он с готовностью принимает волю Провидения, невидимая рука которого призвана очистить страну от деструктивных элементов. Революция кажется ему подобной искусному садовнику, который подрезает кусты ради получения хорошего урожая, вторит же ей в этом война, еще одна вотчина Провидения, которая возносится до уровня Божественного закона. В своей Апологии войны де Местр нападает на представление о возможности

прогресса структур общества исключительно в мирное время, банальный взгляд на человеческую историю заставляет его скорее склоняться к признанию мира исключением из войны, а не наоборот, подчёркивая, что именно в её горниле нации-победители часто выковывали собственную мощь и величие культур, являющихся истинными плодами человеческого рода.

Де Местром даже высказывается формула: «кровь является удобрением для того растения, что называется Гений», – рефреном которой спустя столетия откликнется один из самых влиятельных мыслителей в истории человечества Фридрих Ницше.

Вторым объектом критики Жозефа де Местра становится характерная для XVIII века вера в природную доброту человека. Его же приговор человеку – виновен. Совершив грехопадение, он постоянно тяготеет к совершению зла, и именно из-за этого Провидение вынуждено время от времени вмешиваться в историю.

Подобно христианской Церкви, которая в самый тяжёлый период своей истории, во время гонений Диоклетиана и других римских императоров, смогла сконсолидироваться перед лицом врага и, пережив своих гонителей, двинуться в будущее ещё сильнее, попутно убеждая даже язычников в собственной протекции со стороны сверхъестественных сил, так и в анархии, принесённой ветрами революции, скрыта возможность к перерождению общества. Поэтому республика оказала неоценимую услугу для будущей монархии, закаляя её и усердно работая над собственным наследием, что в результате успехов в революционных войнах предстанет в виде нерасчленённого и централизованного государства. Таким образом, как это ни парадоксально, все великие разрушители старого порядка так или иначе помогают возстановить его в улучшенной форме.

Предсказывая неизбежное падение Республики во Франции, де Местр всего лишь подчёркивает невозможность уста-

новления соответствующей формы правления в большом государстве с многочисленным населением, ссылаясь на опыт истории, свидетельствующий о тщетности ожидания успеха от такой инициативы. Также построение государства на основе договора повлечёт за собой замещение веры, являющейся основополагающим принципом традиционных отношений господства-подчинения, на насилие, что будет означать недолговечность такого образования, основанного на человеческой воле.

Именно религия, по мнению де Местра, должна быть тем элементом, что сакрализуя политические институты, будет внушать благоговейный трепет народу и предвещать долгое существование государству. Другим недостатком Республики является её законотворческая традиция: как «Декларация прав человека и гражданина», так и первые три Конституции, принятые за годы, предшествовавшие написанию «размышлений о Франции», апеллировали к абстрактному человеку. Де Местр же предпочитал видеть именно национальные особенности в центре внимания законотворцев.

Из предыдущего изложения понятно, что победа контрреволюции казалась де Местра беспрекословной. Однако какие формы она должна приобрести, будет ли она импортирована из монархических стран Европы в результате военных действий, или сама Франция даст ей жизнь? Прежде всего, Жозеф де Местр абсолютно уверен в исключительной Божественной роли Франции в Европейской истории, окончательное падение монархического бастиона здесь, считает он, потянуло бы за собой разрушение всей европейской системы. Однако соседние государства не могут помочь в наведении порядка и обуздании революции.

Поэтому единственным верным вариантом является начало контрреволюции в сердце страны – Париже. Гарантий успеха будет служить инертность народа, тот факт, что он радушно приветствовал революцию, не служит абсолютным отрицанием возможности поддержки им монархии при её

возвращении во Францию. Де Местр допускает, что в большей степени народные симпатии всё же лежат на стороне Республики, однако, он верит, что именно установление покоя и мира в государстве превалирует среди желаний народа.

Следовательно, монархии в стремлении к реставрации необходимо стать во главе той народной воли к прекращению кровопролития, а Божественное происхождение порядка, в противоположность беспорядку, будет диктовать и безболезненный характер протекания процесса под протекцией сверхъестественных сил. Таким образом де Местр утоляет тот страх скептиков относительно углубления вражды в случае победы контрреволюции, отмечая, что она не просто направлена на преодоление революции, а является её абсолютной противоположностью, даже в методах.

В своих грёзах де Местр вдохновляется примером Реставрации Стюартов в Англии, когда Карл II, сын казнённого Короля, был приглашён на престол волей самого парламента. Савояр даже копирует методы, которые, как он считает, необходимы к применению новым монархом, например, провозглашение амнистии участникам Революции, единственным исключением для которой станут виновники тяжкого преступления Цареубийства, казни которым не миновать.

Каким-то образом Жозефу де Местру действительно удалось предвидеть дальнейшие повороты истории, и с возстановлением власти Бурбонов в 1814 году сбывается основное его пророчество - возвращение монархии во Францию.

(Перевод – Роман Раскольников)

Виконт Луи Габриэль Амбруаз де Бональд

ВСЕОБЩИЕ РЕВОЛЮЦИИ. УПАДОК ИСКУССТВ И МОРАЛИ

В обществе, где религия и власть были уничтожены, необходимо, чтобы религия возродилась среди высших слоёв, прежде чем власть возродится для народа, потому что в природе существует склонности тех, кто должен командовать, предшествуют склонностям тех, кто должен подчиняться. Я со всей очевидностью доказал, что в республиканском обществе нет общей или социальной власти (которая существует сама по себе); следовательно, не будет никакой социальной или публичной религии; следовательно, оно впадёт в атеизм.

Итак, план республиканизации Европы является планом введения в ней атеизма, или план введения атеизма в Европе является планом её республиканизации. Именно здесь мы должны восхищаться глубиной взглядов и средствами, используемыми для достижения этой двойной цели сей адской sectой, чьё происхождение более древнее, а метаморфозы более многочисленны, чем можно было бы подумать.

Философы проповедовали атеизм сильным міра сего, а народу - республиканизм: они освободили от ига религии тех, кто должен руководить, и от оков власти тех, кто должен подчиняться. Первым они сказали, что религия предназначена только для народа, а вторым - что власть нужна только для высших: Результатом этого двойного наставления, которое обязательно было общим как для знати, так и для простолюдинов, было то, что знатные, зарождая презрение к религии, также зарождали сомнения в легитимности самой власти, которой они обладали; а простецы, зарождая ненависть или зависть к политической власти, также зарождали сомнения в полезности религии, которую они исповедовали и которая предписывала им подчиняться власти. Однако философия

не предлагала уничтожение без замены; она заменила реальность абстракциями: среди знатных она поставила разум на место религии; среди простолюдья - закон на место власти; а среди всех - некоторую филантропию на место милосердия и любви к ближнему: ибо религия, которая является разумом для одних, является любовью для всех, ибо не все у людей просвещённый ум, но у всех чувствительные сердца.

Я не хочу упоминать или раскрывать неслыханные и ужасные маневры, к которым прибегала философия, чтобы направить силы этого печально-известного общества («жидомасонов» - Н.Ш., Р.Р.), которому, кажется, суждено господствовать над Европой силой своего оружия или влиянием своих примеров, к осуществлению своих замыслов. Революция от Христианства к внешнему и социальному атеизму или к отмене любого публичного Богослужения была бы неизбежно завершена в Европе, если бы прогресс революционных армий Франции не был остановлен. Укреплённая безбожием одних, мятежным духом других, узкой и завистливой политикой кабинетов, Французская Революция сплотила бы под своими знамёнами повсюду, через фанатизм, «право на безчестие» и грабёж, материальный интерес, сластолюбие, террор, всё, что только может повлиять на ум, сердце и чувства человека, сплотила бы, этот многочисленный класс, который живёт за счёт собственности других, который роскошествует в Европе до устрашающей степени и который поддерживает торговлю.

Господство, которое Франция издавна осуществляла над большинством христианских обществ благодаря возвышенности своих примеров, благодаря признанному или предполагаемому превосходству её искусства, литературы, языка, моды, морали и обычаяв, также, казалось, могло облегчить Революцию от христианства к атеизму: и, возможно, философия ошибалась, только лишь полагая, что она достигла силой оружия успеха, которого следовало ожидать скорее от влияния примеров. Однако я не сомневаюсь, что, если бы

Франция смогла сохранить свою республиканскую форму, ей пришлось бы надеяться на грандиозные завоевания от своего огромного населения, увеличению которого способствовало бы так много причин, и от естественной порывистости французского характера...

Сложившееся общество может переживать кризисы, которые не разрушают общественный организм: это временные болезни в крепком организме. Глубокий политик, как и искусный врач, может по определённым признакам распознать приближение жестоких кризисов общественного тела или тела человека. Наименее неоднозначным симптомом угрозы со стороны телесной политики является упадок искусства и морали.

Чем ближе в своём политическом и религиозном законодательстве высшее общество, или общество, знакомое с искусством, приближается к конституции или совершенной природе обществ, тем ближе в своих произведениях искусство приближается к имитации украшенной или совершенной природы объектов, которые оно должно изображать. Мне кажется, что сравнение состояния искусств у разных народов с характером их институтов могло бы стать предметом очень интересного произведения политической литературы. Автор, возможно, нашёл бы в мягкости политических институтов итальянских государств причину разслабленности, царящей в их искусстве; в военной строгости институтов народов Севера - причину суровости их литературных произведений; в смешанной Конституции Англии - причину этих причудливых неравенств, этой смеси возвышенной натуры с низкой и «ничтожающей» натурой, которую можно заметить у её поэтов.

Сам язык ощущал на себе последствия этой приближавшейся Революции. Напрасно несколько хороших писателей боролись против вырождения, принцип которого проявило время, французского языка, языка Фенелона и Расина, Боссюэ и Бюффона; этого языка, простого без низости, благородного

без надутости, гармоничного без усталости, точного без туманности, элегантного без чопорности, метафорического без исследования: этот язык, истинное выражение совершенной натуры, стал резким, суровым, коротким, диким, гиперболическим, потому что, мол, язык надо мыслить, чувствовать, сильным, живописным, как природа.

Выше мы отмечали влияние формы правления на искусство, здесь же можно отметить влияние религии на мораль и на конституцию.

Разврат разума подрывает фундаментальные принципы социальной религии; вскоре разврат чувств изгоняет приличную галантность, которую можно назвать внешним культом честной морали; республиканский бред вскоре атакует политическую конституцию общества. Женщины сами сбрасывают с себя ярмо приличной морали, мораль перестаёт их защищать, сами законы их угнетают, и против них нарушается закон о разводе. Мужчина отвергает ограничения власти, власть перестаёт его защищать, сама власть его притесняет и против него применяются революционные законы. В то же время и среди тех же людей надменная философия хочет вернуть социальную религию к естественной религии; чувственная философия больше не рассматривает женщину с точки зрения социальных отношений, а с точки зрения чисто естественных отношений; мятежная философия возвращает гражданское общество к жестокому и дикому состоянию природных обществ.

Нас не должно пугать это сближение идей, которые кажутся такими непохожими. Именно эта неописуемая смесь религии, рыцарства и верности государству сформировала характер древнего рыцарства: возвышенный институт, который природа приспособила к потребностям зарождающегося общества, и который она всё ещё могла бы соотносить с его развитием и прогрессом, если бы государи изволили задуматься над этой политической истиной, что в конституируемом обществе не всё можно сделать силой и королём, что

мораль в человеке является чем-то таким, что подобно мощной пружине направлено против правительства, если она не направлена ими и для них; что эта пружина настолько сильна, насколько сильное сопротивление мы ей оказываем, и настолько полезна, насколько мы ей даём направление; и что для усиления и направления ея действия религия намного превосходит философию...

(Перевод – Никита Шевченко, Роман Раскольников)

Фауст Патронов

ВАНДЕЙСКАЯ ВОЙНА

“Principium, - для которого необходим Princeps, - существования заместителя Бога на Земле, посредника между Λόγος и δῆμος, неотделим от души каждой здоровой нации. Желание же дать δῆμος верховную власть - сиречь, инкарнировать Λόγος в δῆμος, есть жесточайшее преступление перед духом народным, извращение сущности человеческой, которые не могут не повлечь за собой цепь преступлений, одно ужаснее другого.

Франция - изначально здоровое тело. Это здоровье, я бы даже сказал сверхздоровье, было привито ей десятками поколений гегемонии лучших, αριστοι, которые, время от времени - неохотно и с боем - отдавали власть одному, - тому, кто волею крови и случая оказывался на троне. И точно так же, как всякая мощь жаждет испытаний, сверх здоровое тело, Франция, жаждала болезни - стремилась доказать самой себе способность добровольно ввести в свой организм бациллы заразы, и, тем не менее, выжить. Словно магнит, подобная страсть к αυτ'αγον притягивает к себе паразитов, являющихся болью и мукой *par excellence* и, что самое главное - осознающими себя таковыми.

Зародыши этих духовных паразитов были выведены в парижских салонах в «эпоху просвещения». Постепенно привитая болезнь развилась, упрочилась в организме. Произошло это, как и всё на земле - случайно. Целая серия случаев-лилипутов, как то - немощь монарха; эстетические и сексуальные пристрастия герцога Орлеанского; разорительные войны Нового Света; вплоть до махинаций строительных подрядчиков, и «гильдий каменщиков», не останавливающихся ни перед чем для получения контрактов на слом гигантской Бастилии и застройку территории, - привели к подчинению

тела «которое есть дух» Франции новой модной болезни, вскоре ставшей хронической.

И вот заревели глотки цареубийц, и - впервые в міровой истории - демократически избранная ассамблея единодушно проблема о необходимости геноцида собственного народа, а “адские колонны” направились в Вандею жечь младенцев, насиливать их матерей да натягивать человечью кожу на республиканские барабаны, по которым любознательные туристы и по сей день могут постучать в приморских музеях Марьянны-Номер-Пять...”

“Началась межъевропейская гражданская война, длившаяся двадцать три года, во время которой трёхцветные паразиты успешно прививались народам континента. Так вирус “эпохи просвещения” контаминировал Европу, а с нею, весь “культурный” мір.

Более того, произошла любопытная для физиолога мутация тел народов, заражённых вирусом: страдание стало не только привычной, но и единственной приемлемой формой существования; всякий отказ от контакта с паразитами, каждое выражение ностальгии по утерянному великому здоровью тотчас пресекались ножом гильотины, пулей, тюремной решёткой, или же, как это принято сейчас - ссылкой в “Чистилище” гражданской изоляции.

Нескрываемые с 1789-го года корчи Франции преподносятся не как патологическое ответвление от сверхздорового состояния, но как логическое продолжение французской культуры; недалёкие эволюционисты убеждают, что путч дня Святого Камиля только подвёл некий итог творчества Рабле, Монтеня и Вольтера. После данного утверждения следует и естественное для “социал-дарвинистов” заключение: “некогда подчинившая себе весь цивилизованный мір французская культура выбрала революцию, а потому и вам, народы Европы, если вы желаете следовать высшей культуре, необходимо реализовать слова Интернационала - стереть с лица земли ваше прошлое”.

В настоящий момент данная установка воспринимается “бывшими” цивилизованными народами как нечто само собой разумеющееся - так патология “эпохи просвещения” окончательно поработила мир..

А теперь зададимся на миг одним невозможным вопросом: что будет, если внезапно эта страдалица-Франция излечится от мук, признает болезнь свою более чем двухсотлетнюю летаргию, - и признает это перед всем светом! - а именно, вернётся в своё естественное, до-путчевое состояние? Какой резонанс вызовет в мире подобное выздоровление Франции?”

В то время как Франция после путча 1789 AD, должна была вести войну со всей Европой, загорелась междуусобная война в пределах самого бывшего королевства, выразившаяся в освободительном восстании в Вандее.

В этой провинции ещё господствовал дух “La Belle France”, а в населении преобладали здоровые стремления к сохранению естественных порядков, к правому укладу.

Казнь короля, вмешательство охлократического правительства во внутренние дела церкви, фискальные нововведения, тотальная коррупция и воровство, грабёж и всякого рода обложения, возбудили в стране волнение, имевшее сначала более религиозный и мировоззренческий, нежели роялистский характер.

После 1792 AD, когда путч принял не только антиклерикальное, но прямо атеистическое направление, все католики, то есть большинство населения, почувствовали себя оскорблёнными. Это оставалось одним из главных источников сопротивления вплоть до Конкордата Бонапарте, заключённым с папой в 1801 AD.

В 1792 AD многие приходы поддержали своих священников, отказавшихся приносить присягу трёхцветным властям. Ответом им были регулярные вылазки городской черни в деревни, где они разрушали церкви и нападали на refractories (строптивцев)

Постепенно усиливаясь, волнения перешли в открытое восстание, когда конвент ввиду предполагавшегося усиления численности республиканских армий заменил прежнюю вербовку принудительными рекрутскими наборами. Военные потери и при вторжении республиканцев в Австрийские Нидерланды и Савойю и в боевых действиях против Первой коалиции были просто безпримерными.

Тотальное воровство, процветавшее среди поставщиков, которым покровительствовал генерал Дюмурье, вело к скверному снабжению республиканских войск. Полуголодные, плохо одетые добровольцы всё чаще пользовались предоставленным им законом правом и покидали свои части, возвращаясь к родным очагам.

Декрет о принудительном рекрутовании дополнительных 300 тыс. человек почти повсеместно вызвал глухое сопротивление .

Ведь на западе, никогда не освобождали от воинской службы, как это часто случалось с сыновьями республиканских чиновников и профессионалов: казалось, только крестьяне-католики должны были умирать за атеистическую республику, к которой они вовсе не стремились.

В мае 1792 AD Дантону сообщили, что предположительно маркиз де ля Руайран в Бретани готовит заговор. Заговор был расстроен ещё в зародыше, но он послужил катализатором двух связанных между собой массовых восстаний: освободительные восстание в Вандее и войну шуанов, охватившие запад Франции более чем на десятилетие.

В начале марта вспыхнул мятеж в Бретани, Анжу, Пуату. Быстро подавленный в Бретани, мятеж продолжал расширяться в районах к югу от Луары, где ненависть к чётвёртому сословию дополнилась у крестьянства и дворянства протестом против разрушения традиционного уклада жизни. Причиной недовольства крестьянства и дворянства явилось резкое усиление в ходе путча политического могущества чет-

вёртого сословия и его экономической позиции в деревне (за счёт скупки национализированных земель церкви и др.)

Крестьяне и petite дворяне выступили против притеснений со стороны республиканского режима, который для них являлся худшим, чем предыдущий.

Мы хорошо знакомы с концепцией трёх сословий, но гораздо хуже осведомлены о полемике вокруг сословия четвёртого. А такая полемика велась, к тому же не один век. В идее четвёртого сословия проявилась сама квинтэссенция динамичного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека. “Четвёртое сословие” - это класс ростовщиков и спекулятивной буржуазии (Wuocher), который управляет тремя остальными

Контур нового класса проступал в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ (как географических, так и нравственных). Диапазон его представителей - от ростовщиков и купцов до фигляров и писак.

Это было время распространения эгалитарной, еретической модели, вытесняющей духовную вертикаль. И, наконец, это был период раскола Universum Christianum - универсального пространства спасения. Параллельно проекту универсального пространства спасения Universum Christianum этот мир-двойник тотальной лжи создаёт свой собственный амбициозный глобальный проект левого изврата - построения вселенского Pax Oeconomicana и полигоном для обкатки новых технологий стала Франция.

Особый оборот дело приняло, на западе Франции, в Вандее.

В действительности за этим словом стоят четыре департамента, расположенных вдоль нижнего течения Луары и к югу от него: собственно Вандея, Нижняя Луара, Мэн и Луара и наконец Де Севр.

Рекрутский набор послужил лишь толчком, предлогом к открытому выражению недовольства, уже давно накапли-

вавшегося в сердцах истинных французов, склонных к традиционизму и настороженно встречающих любые патологические нововведения, гораздо менее “заражённых”, чем жители крупных городов.

Вандейское восстание отличалось чисто народным характером (впрочем как и борьба в Марселе, Лионе etc.). В любой другой стране Европы приверженность вандейцев традиционному образу жизни вызвала бы всеобщее восхищение. Их нравственность и цельность проявилась, например, когда умирающий де Боншан помиловал 5000 своих пленников. Их враги без колебаний обратились к геноциду, а потом покрыли свои жертвы клеветой.

Франция так по сей день и не справилась с этой ужасной историей геноцида французов французами (*populidde*).

Восстание началось в марте 1793 AD в Сен Флорен-сюр-Луар, но вскоре охватило все деревни *bocage* (подлеска)

Пользуясь топографическими условиями местности, изрезанной оврагами, покрытой лесом и мелким кустарником, многочисленные отряды *insurgentes* не только с успехом отражали нападения трёхцветных войск, но и вторгались в соседние провинции, пытаясь распространить в них борьбу против правительства “вакуумной троицы”, этих “свободы, равенства, братства”

Восстание развивалось с чрезвычайной быстротою. 4 марта был убит комендант города Шоле, 10-го толпы крестьян напали на Машекуль, а 12-го овладели Сен-Флораном.

В течение нескольких дней во всех Вандейских приходах не умолкал звон набата, и около 100 тысяч крестьян взялись за оружие.

Из шести главных предводителей (генерал Жиго д’Эльбе, маркиз де Боншан, маркиз де Лескюр, месье Анри де Ларош-Жаклен, де Шаретт, Жак Кателино и Жан Стоффле) первые пятеро принадлежали к старому дворянству, местным помешникам, а остальные — к третьему сословию (сокольник Кателино из Пен-ан-Мож и егеря Стоффле из Монлеврие).

Кателино, избранный главнокомандующим, 15 марта овладел Шоле, захватив до 700 пленных и 4 орудия.

В это время в Вандее войск почти совсем не было, а части “национальной гвардии”, разбросанная по стране мелкими бандами, оказалась не в состоянии противодействовать народному восстанию.

Начальник республиканских войск, генерал Марсе с 3 000 человек и 7 орудиями овладел городом Шантоне, пользуясь тем, что крестьяне разошлись для обработки полей; но 19 марта его отряд потерпел поражение при Сен-Венсане, после чего д’Эльбе двинулся к Шаланну и занял этот город.

Убедясь в серьёзности положения дел, конвент распорядился сформированием двух корпусов (20 тысяч) под началом генерала Беррюйэ и Канкло и двинул их на восточную и южную границу восставшей провинции. Конвент издал декрет, согласно которому ношение оружия или белой кокарды, символа “королевской” Франции, принятого вандейцами, каралось смертной казнью.

В первой половине апреля республиканские войска начали движение в лесистую часть Вандеи пятью колоннами:

1-я (4 т.), Буляра, двинулась в ю.-з. направлении на Сабль д’Олон, С.-Жилль и Бовуар

2-я (21,5 т.), Кетино, на Лезобье

3-я (10 т.), Легонье, в направлении Везен — Шоле

4-я, самого Беррюйэ (3 700 ч.), — на Шемилие,

5-я (2,5 т.), Говилье, должна была переправиться через Луару и идти к С.-Флорану.

Первые удары Боншана, двинувшегося от С.-Флорана к Шемилие, обрушились на колонну Беррюйэ, которая была разбита 11 апреля.

Подкрепленный войсками Ларошаклена, Боншан (Charles-Melchior Arthus, Marquis de Bonchamps 1760 –1793 AD) атаковал колонну Кетино у Лезобье (13 апреля) и нанёс ей поражение.

Три дня спустя Кателино и д'Эльбе (16 апреля) разгромили отряд Легонье у Корона, а при Бопрео такая же судьба постигла колонну Говилье (20 апреля), атакованную соединёнными силами д'Эльбе и Боншана.

Несколько роялисты действовали успешно в северо-восточной части Вандеи, настолько неудачны были их действия в юго-западной.

Энергичное наступление Буляра, на соединение с которым через Машекуль спешил из Нанта отряд Бейсера, принудило Шаррета к отступлению.

Тем временем в северо-восточной Вандее главная армия роялистов генерала д'Эльбе (20 тысяч, 12 орудий) овладела Шатильоном, Аржантоном, Бресюиром и Вийе, а затем, окружив отряд Кетино у Туара (5 мая), заставила его положить оружие.

Вслед за тем армия Королевская католическая Армия Святых разделилась на три отряда: отряд Боншана должен был действовать на Луаре, д'Эльбе — в центре и Шаррета — в нижней Вандее.

9 мая роялисты заняли Партене, а 13 мая — Шатенъере, Боншан и д'Эльбе сделали 16 мая попытку атаковать отряд республиканцев Шальбо у Фонтенэ.

Атака была отбита, и “белые” потеряли при этом около 4 тысяч убитых и почти всю артиллерию.

Неудача не обезкуражила стойких вандейцев: получив подкрепления, они снова перешли в наступление и у Фонтенэ (24 мая) нанесли поражение войскам Шальбо.

Пока происходили указанные события, высший командный состав республиканских войск подвёргся перемене: вместо Беррюе был назначен Бирон, получивший предписание оцепить границы Вандеи от Сомюра до Сабль д'Олон, в то время как генерал Канкло должен был двигаться к Луаре.

В моменты наивысшего единства Католическая армия объединяла до 40 тысяч человек и представляла серьёзную опасность для республиканских войск. Она выступала под

белым штандартом с лилиями и девизом: “Да здравствует Людовик XVII”.

Воины этой армии носили монашеский наплечник и изображение Божественного сердца и Креста в пламени.

Они участвовали в 21 жестокой битве, победили на залитом кровью поле боя при Шоле, захватили Анж, осадили Нант и вступили в провинции Мен и Анжу.

Их отчаянное мужество запечатлелось в приказах месье Анри : “Если я пойду вперёд, идите за мной! Если я стану отступать, убейте меня! Если я умру, отомстите за меня!”

Воины этой армии были спаяны кровными узами и неформальными связями: это были родственники, друзья, соседи, все они прекрасно знали местность, имели отлично налаженную цепь связи, с пристрастием, а потому безошибочно, выбирали себе “капитанов”.

Подобные преимущества вполне уравновешивали и отсутствие полноценной медицинской и интендантской службы в Католической армии, и слабости её вооружения. Нехватка ружей компенсировалась, особенно поначалу, серпами, вилами, косами, дубинами и охотничими ружьями. Собранные по замкам старинные пищали заменили восставшим пушки.

Настоящее же оружие приходилось брать в боях, и оно успешно добывалось.

Со временем вандейцы неплохо вооружились и даже создали постоянные военные формирования из числа солдат республиканской армии, перешедших на сторону народа или иностранных наёмников (немцев, швейцарцев).

Это было немаловажно, поскольку Королевская католическая Армия Святых, состоявшая более чем на две трети из крестьян, значительно редела в период сельских работ.

В мае 1793 AD вандейский штаб, объединивший командиров и вожаков разных отрядов, создал Высший совет, орган, призванный управлять “отвоёванной страной” во имя “законного монарха” Людовика XVII, юного сына казнённого короля.

Обосновавшийся в Шатийон-сюр-Севр, Совет стал чем-то вроде легитимного правительства и занимался изданием декретов, прямо противоположных по содержанию декретам Конвента.

Между тем, Кателино (20 тысяч) форсированным маршем двинулся к Сомюру, где 11 июня нанёс поражение республиканским войскам Мену (8 тысяч) и взял Сомюр, а 13 июня и Анжер.

В юго-западной Вандее 6 мая Шарретт овладел С.-Коломбеном, а 7 мая — С.-Желесом.

11 июня достался в руки Шарретта после упорного сопротивления Машекуль.

В это время в Бретани, с 19 по 25 июня, представители бретонских городских коммун, собравшиеся в Ренне, принимают решение о сборе войск, совместно с нормандцами.

Вооружённое выступление, плохо подготовленное, не имеющее талантливых военных руководителей, потерпело крах 13 июля, у Паси-сюр-Эр.

Увлечённые успехом, Вандейские начальники решились перенести освободительную войну за пределы своей провинции и напасть на Нант, овладение которым обеспечило бы им сообщение с морем и доставило бы опорный пункт.

26 июня началось наступление Кателино (Jacques Cathelineau 1759 –1793 AD) на Нант.

Несмотря на огромное превосходство в силах (38 тысяч против 12 тысяч Канкло и Бейсера), штурм Нанта был отбит (29 июня), а сам генерал Кателино смертельно ранен и, проиграв уличные бои, деморализованные вандейцы сняли осаду.

В беспорядке армия переправилась обратно через Луару, Шаррет отступил к Леже, а Ларошаклен под напором “сийей” дивизии Лабарольера очистил Сомюр, немедленно занятый противником.

7 июля Канкло вошел в связь с прибывшей из Тура в Сомюр дивизией Лабарольера, которая 12 июля выступила к Вийе, выдвинув авангард Мену к Корону.

17 июля авангард этот был отброшен вандейцами на главные силы, которые 18 июля при Вийе были атакованы Пироном (12 тысяч вандейцев) и разбиты.

Успех дела при Вийе был, однако, омрачён крупной неудачей под Люсоном (14 августа), где республиканский генерал Тенк с 10 тысячами разбил 30-тыс. армию д'Эльбе, потерявшую 5 тыс. человек и 17 орудий, тогда как потери республиканцев не превосходили 500 человек.

Тем временем д'Эльбе (Maurice Joseph Louis Gigost d'Elbée, 1752 –1794 AD) был избран главнокомандующим по смерти Кателино.

В то же время, убедясь в ненадёжности боевых сил, действовавших против народа, правительство распорядилось о перевозке на берега Луары войск из Майнца и Валансьена.

Однако еще до прибытия новых республиканских войск вандейцам удалось одержать ряд побед над республиканскими отрядами.

1 августа, заслушав доклад Б. Барера, Конвент решил «уничтожить» Вандею, направив туда армию под командованием генералов Клебера и Марсо. Однако 19 сентября республиканские силы были наголову разбиты. Барер вновь добился направления в непокорные департаменты новых частей, на этот раз Западной армии, требуя «к 20 октября покончить с гнусной Вандейской войной»

В начале октября республиканская армия генерала Лешеля предприняла общее наступление двумя колоннами и после нескольких небольших столкновений с отдельными отрядами инсургентов 17 октября при Шоле нанесла полное поражение 40-тысячной “королевской католической армии”, потерявшей 20 % личного состава, 12 орудий и двух своих вождей — д'Эльбе и Боншана.

По смерти обоих предводителей главное начальство над войсками перешло к Ларошjakлену (Henri du Vergier, comte de La Rochejaquelein 1772 –1794 AD) – Месье Анри.

23 октября он занял Лаваль и двинулся к Антраму.

Здесь 27 октября вандейцы (31 тысяч) одержали победу над республиканскими войсками Вестермана (25 тысяч), а на следующий день уничтожили его арьергард при Краоне (28 октября), оттеснив его главные силы к Ренну.

Армия Лешеля сосредоточилась близ Анжера и была усиlena отрядами Ленуара и Россиньоля, причем последний принял командование вместо отзванного Лешеля.

Надеясь войти в связь с английским флотом, крейсировавшим около берегов, Ларошjakлен двинулся 12 ноября к Авраншу.

Осенью 1793 AD вандейцы предприняли свой самый амбициозный и, как оказалось, самый отчаянный гамбит.

Около 30 тысяч вооружённых мужчин, за которыми следовали сотни тысяч нонкомбатантов всех возрастов, перешли Луару и направились к побережью Нормандии. Их целью был небольшой порт Гранвиль, где, как они верили, их будет ждать английский флот и армия эмигрантов.

Но они жестоко обманулись. Гранвиль был отрезан.

Атаки Ларошjakлена были отбиты; нигде не было и признака британских кораблей.

Началось отступление. На зимних дорогах длиной в 120 миль колонны отступавших становились жертвами всякого рода испытаний и насилия.

Перед ними закрывались города и они боролись за каждый дюйм пути. 15 тысяч нонкомбатантов умерло на улицах Манса.

Они погибали от голода и холода. Их без жалости грабили, насиловали и выслеживали рыскавшие всюду республиканцы. Те, кто добрался до Луары, обнаружили, что мосты блокированы и лодки сожжены.

Их соединения дробились и уничтожались, после чего беззащитных нонкомбатантов убивали жестоко и безнаказанно.

Тем временем Россиньоль с 25 тысячами предпринял общее наступление к Понторсону, заняв этот город отрядом генерала Трибу.

22 ноября у Доль главные силы республиканцев наткнулись на Ларошаклена (20 тысяч) и потерпели поражение, несмотря на то, что голод, дизентерия, осенние дожди и заморозки добивали ослабевших вандейцев (небоевые потери армии Ларошаклена в ноябре составили более 10 тысяч человек).

Вслед за тем генералом Марсо, сменившим Россиньоля, приказал дивизии Клебера двинуться к Мансу, занятому вандейцами.

Здесь 13 декабря произошло сражение, где Ларошаклен (25 тысяч) был разбит Клебером (15 тысяч), потеряв всю артиллерию, обоз и до 15 тысяч убитыми, ранеными и пленными. “Синие” устроили резню.

Неудача у Манса обострила и без того критическое положение Вандейской армии, которая не могла теперь рассчитывать на помощь англичан, бретонцев или эмигрантов.

К тому же стояла суровая зима, и войска были обречены на большие лишения.

Остатки Королевской католической Армии Святых с боями отходили вдоль Луары, отчаянно пытаясь прорваться на юг, и накануне Рождества 1793 AD погибли окончательно под ударами “синих”.

Конец наступил в Саване недалеко от Нанта за два дня от Рождества. “Вандейский мясник”, генерал Вестерман, приспешник Дантоне, рапортовал Конвенту:

“Вандея больше не существует ... я похоронил её в лесах и болотах Саване... По вашему приказу я давил их детей копытами лошадей; я резал их женщин, чтобы они больше не могли родить бандитов. Меня нельзя упрекнуть в том, что я взял хоть одного пленного. Я истребил их всех. Дороги усыпаны трупами. Под Саване бандиты подходили без остановки, сдаваясь, а мы их без остановки расстреливали..Милосердие – не революционное чувство..”

В результате этой бойни уцелели лишь несколько отрядов, не участвовавших в нормандском походе, в частности, отря-

ды Шаретта и Стоффле. Они продолжали действовать ещё довольно долго, но «большая война» в Вандее практически уже закончилась.

К тому времени саму Вандею без устали опустошали генерал Клебер и республиканская армия, переведённая сюда с Рейна.

А между тем республиканцы 7 января 1794 AD овладели Нуармутье, после чего главнокомандующий республиканскими войсками генерал Тюрро, получив подкрепления, решил окончательно подавить восстание и для этого двинул в Вандею 12 летучих отрядов, известных под названием адских колонн, которые истребляли на своем пути дома, селения, леса и без пощады расстреливали всех пленных на протяжении всего 1794 AD.

Весной 1794 AD республиканцам в Нанте предстояло убить множество повстанцев из Вандеи, и они не знали, как это сделать. Они выпустили на захваченных адские колонны; они морили их голодом и зверски убивали; они расстреливали их тысячами. Но этого было «недостаточно». Тогда им пришла в голову мысль – топить.

Нант был атлантическим портом работорговли; и здесь под рукой был целый флот огромных плавучих тюрем. Придумали ночью топить гружёную людьми баржу в реке, а потом снова поднимать её на поверхность – получилось не привлекающее внимания многоразовое устройство для казни. Это были ужасные *noyades* – порождение изобретателей кровавого левого режима по части технологий смерти.

В начале 1794 AD командующий Западной армией генерал Тюрро приступил к исполнению декрета о геноциде от 1 августа 1793 AD, решив покарать мирное население, поддерживавшее защитников престола и алтаря.

«Вандея должна стать национальным кладбищем», - заявил он.

Тюрро разделил свои войска на две армии, по 12 колонн в каждой, которым было предписано двигаться навстречу друг

другу с запада и с востока. «Адские колонны», как их тут же окрестили вандейцы, с января до мая жгли дома и посевы, разрушали изгороди, грабили, насиловали и убивали во имя «республики».

Адские колонны жестоко мстили «бунтарским» деревням.

Десятки тысяч были застрелены, гильотинированы, сожжены заживо в своих амбараах и церквях.

Счёт жертв пошёл на десятки тысячи. На каждую жертву Террора в Париже приходилось не меньше десяти убитых в Вандее.

В порту Рошфор несколько тысяч священников, отказавшихся присягнуть новой власти (неприсягнувших), были замучены голодом, на баржах, где их держали в заключении.

В Анже несколько тысяч заключённых были расстреляны прямо на месте.

В Нанте – тысячи утоплены более систематически.

Особый размах массовые экзекуции приняли в Нанте, где организацией террора занимался член Конвента Каррье (Jean-Baptiste Carrier).

Около 10 тысяч человек, часто никогда не державших оружия в руках, а просто сочувствовавших *insurgentes* - их жены, дети, родители, были казнены по его прямому приказу.

Однако гильотины и расстрелов было недостаточно для воплощения его грандиозных карательных замыслов. Тысячи людей расстреляно, тысячи утоплено, тысячи умерло от голода в тюрьмах.

Половина «осуждённых», так и не дождавшись суда, погибла в Луаре: людей, надеявшихся на обещанную было амнистию, усаживали в *noyades*, которые затапливались на середине реки, или просто сбрасывали в воду, связав руки.

Каррье, прозванный «нантским утопителем» отличился особо. Прибыв в Нант, он по-своему решил проблему перенасыщенности городских тюрем.

Вот некоторые из эпизодов его деятельности. В ночь с 16 на 17-ое ноября, его помощники погрузили около сотни свя-

щеннослужителей на борт *noyades*. Связанные попарно, клирики подчинились, ничего не подозревая, хотя у них предварительно отобрали деньги и часы. Затем подручные Каррье пустили судно в дрейф по Луаре. Вдруг, один из пленников, Эрве, кюре из Машекуля, заметил, что баржа была продырявлена во многих местах, немного ниже ватерлинии. Священники, поняв какая участь им уготовлена, упали на колени и стали исповедовать друг друга. Через четверть часа, река поглотила всех несчастных узников, за исключением четырёх. Трое среди них были обнаружены и убиты. Последний был подобран рыбаками, которые помогли ему скрыться.

Каррье также ввёл в моду так называемые «республиканские свадьбы».

Мужчин и женщин разного возраста раздевали донага, связывали попарно и топили.

Беременных женщин обнажёнными складывали лицом к лицу с дряхлыми стариками, мальчиков со старухами, священников с юными девушкиами.

Экзекуции часто проводились по ночам, при мерцающем свете факелов. Сам «нантский палач» любил наблюдать за их ходом: реквизировав себе изящное судёнышко, под предлогом надзора за берегами он раскатывал на нём по Луаре вместе со своими подручными и блядями...

Парижские мясники занялись и другими преобразованиями. Они поощряли политику дехристианизации: разгром соборов Нанта и Кемпера.

Так за свою непокорность левой тирании Вандея была потоплена в крови. Расправа длилась не один месяц.

Итог геноцида крайне тяжёл для экономической и интеллектуальной элиты Вандеи и Бретани, сильно поредевшей в ходе массового уничтожения.

В марте 1794 AD подняли оружие против тирании нижнебретонские депутаты, причём восставшие роялисты, получившие название шуанов (Шуанерия 1793 –1799 AD), присоединились к вандейцам.

Примечательно, что *cahiers de doleances* (тетради жалоб) 1789 AD свидетельствуют, что самые ожесточённые протесты против десятины и священства отмечались именно на западе, а не на востоке. Но очевидный экстремизм республиканцев достиг таких размеров, что первоначальные сторонники превратились в заклятых врагов.

Тогда для подавления народного восстания решено было перейти к учреждению так называемых укреплённых лагерей, которые, будучи постепенно переносимы в глубь Вандеи, могли бы служить надёжными пунктами для полевых войск.

К концу 1794 AD 13 укреплённых лагерей отрезали Вандею от внешнего мира, предоставив её своим собственным силам.

Между тем, в июне 1794 AD в военных действиях наступило затишье вследствие начавшихся полевых работ, а потому правительство распорядилось отправить лучшие войска на восточную границу.

Вслед за тем правительство (после термидорианского переворота) вступило с инсургентами в переговоры, которые окончились заключением мира в Ла Жонэ 5 февраля 1795 AD.

Стоффле, Сапино и ряд других лидеров уцелевших вандейских отрядов подписали с “представителями народа” мирный договор в Ла Жонэ.

Соглашение подтверждало, что Вандея признавала республику, республика же в свою очередь обещала освободить непокорные департаменты на 10 лет от рекрутского набора и налогов, приостановить преследование неприсягнувших священников.

Генерал Лазар Гош (1769 –1797 AD), покоривший Рейнскую область (однажды он даже направлялся для захвата Ирландии) и командовавший в то время республиканскими войсками в Вандее, выступал против мирного компромисса, мотивируя это тем, что руководители эмигрантов и англий-

ский кабинет Питта неусыпно стараются снова разжечь пламя восстания.

В самом деле, в поддержку высадки эмигрантов на Кибероне, инсургенты вновь начали неравную борьбу за правое дело с карательями в середине июня, овладели несколькими республиканскими постами и расстреляли попавшихся им в руки “синих”.

Между тем республиканские войска в это время были заняты участием в отражении Киберонской экспедиции, снаряженной английским правительством для оказания поддержки роялистам Вандеи и Бретани.

Главное руководство экспедицией было поручено графу д’Артуа (впоследствии король Карл X); войска экспедиционного отряда состояли из эмигрантов и одной английской морской бригады.

Немедленно по окончании высадки была произведена раздача оружия, одежды и продовольственных запасов явившимся крестьянам и шуанам, из коих было сформировано три отряда (16 тысяч).

Получив известие о высадке роялистов в Бретани, Гош с ничтожными силами поспешил в Ванн, где успел собрать до 13 тысяч, и 6 июля начал наступление.

Отбросив передовые неприятельские отряды к Понтиевру, он предпринял блокаду Киберонского полуострова занятием укреплённой позиции на Фалезском перешейке у Сен-Барб.

Утром 7 июля 4 тысячи эмигрантов и шуанов атаковали позицию Гоша, но неудачно.

Через несколько дней атака была повторена, но столь же неуспешно.

15 июля инсургенты получили подкрепление, в виде нового транспорта эмигрантов, и вновь предприняли наступление на позиции, занятые войсками генерала Гоша. Республиканцы отразили эту атаку с большим уроном для противника.

Между тем, генерал Гош 20 июля предпринял ночной штурм Понтиевра, который после нескольких кровопролит-

ных атак был взят, отчего правое дело было окончательно проиграно.

Военный суд, наряженный над сдавшимися инсургентами, приговорил к смерти всех эмигрантов старше 16 лет.

В mestечке называемом Toulbahadeu, около болота Керзо, стоит часовня в память о 953 расстрелянных эмигрантах и шуанах. Это место носит имя “поля Мучеников”.

Пока происходили указанные выше события, военные действия продолжались в западной Вандее.

10 августа в С.-Жильскую гавань прибыла английская эскадра с оружием и военными припасами, которые были доставлены в Бельвиль, куда была перенесена главная квартира инсургентов.

30 сентября Гош (15 тысяч) тремя колоннами двинулся к Бельвилю, но Шаретт (François-Athanase de Charette de la Contrie 1763-1796 AD), один из народных вождей, избегая встречи с республиканскими войсками, ограничивался лишь мелкими партизанскими действиями; разбитый при Монте-гю, он был отброшен к Бельвилю; другой же народный предводитель — Стофле (Jean-Nicolas Stofflet 1751 –1796 AD), оперировавший в Анжу, изменническим образом был захвачен в плен и 4 февраля 1796 AD расстрелян в Анжере.

Ещё некоторое время счастье благоприятствовало Шаретту, но, окружённый при Сюльпise превосходными неприятельскими силами, после мужественной обороны он попался в плен и 18 марта был расстрелян в Нанте.

К весне 1796 AD, после казней Стофле и Шаретта, Вандея была окончательно обезглавлена.

Последовательно осуществляя геноцид народа, уничтожив как в Вандее, так и в Бретани последних бойцов из шуанских отрядов Жоржа Кадудаля и Корматена и внося всюду дух террора, Гош в июле 1796 AD мог донести Директории, что война в Вандее окончена.

Позднее, в центре Вандеи была возведена огромная военная крепость с гарнизоном 20 000 человек (1808 AD – Наполеон – Вандея, сейчас Ла Рош-сюр-Йон).

Неподалеку, в открытом поле, виден крест в память о том, что здесь перед карателями стоял последний командир вандейцев шевалье де Шаретт де ля Контри (François-Athanase de Charette de la Contrie), и здесь он погиб с криком Vive le Roi!

Вандея была побеждена, но до конца не смирилась и не перестала бурлить, сохранив в себе стойкую приверженность правому делу на протяжении всего XIX века. Возможно, в известной степени, она сохраняет их и до сих пор.

Невероятная ожесточённость столкновения людей и бесов левого изврата, небывалый масштаб репрессий, обрушившийся на непокорные департаменты в конце XVIII столетия, глубочайшим образом воздействовали на психологию людей и придали последующим поколениям вандейцев совершенно особые черты.

Сформировалось специфическое региональное сознание, «особое лицо» Вандеи.

Мятежный дух и стремление к свободе ещё не раз давал о себе знать в особенно значимые моменты истории:

в 1814 и в 1815 AD Вандея поднималась против узурпатора Буонапарте

в 1832 AD - в поддержку легитимного монарха

В XIX-XX веках местная политика западного региона была сугубо правого направления с долгой антиреспубликанской традицией

Впоследствии на всех выборах, в отличии от la zone rouge – красной зоны) она исправно отдавала свои голоса, как отдает их и сегодня, наиболее правым политическим партиям и течениям.

Вероятно завтра у многих начнут гореть «предохранители» в голове от жёстких реалий бытия.

Ясно одно (не смотря на галдёж и дымовую завесу, разрыв между телевизионной картинкой и реальностью разителен), что бизнес основанный на торговле денежными производными привёл к тому, что объём рынка производных где-то в 5

раз превышает объём мирового ВВП. И, видимо, всё это счастье скоро кончится.

Вероятно начнут убивать за любые операции, связанные с искусственным ограничением денежного обращения (взимание процента). Возможная перекройка наверное не будет безболезненной.

Вообщем давно выбирает то в ноосфере неприятие ростовщичества, это впрочем и краеугольный камень христианской (и не только) морали. Ничего нового.

Index librorum:

Crétineau-Joly, *La Vendée militaire*;

Bournisseaux, *Histoire des guerres de la Vendée et des chouans*
Chassin, *La préparation à la guerre de Vendée*

Duprez, *Les guerres de la Vendée*

Rambaud, *Histoire de la Révolution*

Lecharron, *Expédition de Quiberon*

Martin J.-C, *Une guerre interminable. La Vendee deux cents ans apres, Nantes, 1985 AD*

Martin J.-C, *La Vendee et la France, Paris, 1987 AD*

Martin J.-C, *La Vendee et la Memoire, Paris, 1989 AD*

Tilly Ch., *La Vendee, Paris, 1970 AD*

Мягкова Е.М., "Необъяснимая Вандея": сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках, Москва, Academia, 2005 AD

Жозеф Мари де Местр, *Рассуждения о Франции*, Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997 AD

Эдмунд Бёрк, *Размышления о революции во Франции*, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1992 AD

Тихомиров Л.А., *Религиозно-философские основы истории*, Москва, ФондИВ, 2007 AD

С тех пор, как Париж ввёл свои законы

И на Севере, и на Юге есть те, кто живёт по-своему

Парижанам мало их проклятой революции

Если они убьют королеву, как убили короля
Они заплатят за это

Хор:

Шуаны, вперёд!
Со Святым Денисом,
Со Святым Иоанном
Сердца бьются
Вперёд, шуаны!
Шуаны, вперёд!
Со Святым Денисом,
Со Святым Иоанном
Сердца бьются
Вперёд, шуаны!

Солист:

Мы сразим Робеспьера, гнусного тирана
Утопим этого кровожадного волка в его собственной крови
Говорю вам, Республика не долго просуществует
Вы вернём веру
У нас будет новый король

Хор:

Шуаны, вперёд!
Со Святым Денисом,
Со Святым Иоанном
Сердца бьются
Вперёд, шуаны!
Шуаны, вперёд!
Со Святым Денисом,
Со Святым Иоанном
Сердца бьются
Вперёд, шуаны!

СОЛЖЕНИЦЫН О ВАНДЕЕ

Ниже – приводится речь А.И.Солженицына о Вандейском восстании. Произнесена в Люк-сюр-Булонь, в Вандее, на собрании в честь 200-летия Вандейского восстания и открытия памятника его героям и жертвам. Напечатано тогда же во французских газетах, в парижской «Русской мысли», затем в «Вестнике РХД», 1993, № 168. В России — в «Известиях», 28.9.1993.

Дорогие вандейцы!

Две трети века назад, ещё мальчиком, с восхищением читал я в книгах о мужественном и отчаянном Вандейском восстании, но никогда бы не могло мне и пригрезиться, что в старости доведётся мне честь самому открывать памятник героям и жертвам того восстания.

От него прошло уже двадцать десятилетий — и с разными десятилетиями в разных странах, совсем не только во Франции, Вандейское восстание и его кровавое подавление виделись по-новому и по-новому. Да все события истории никогда полностью не понимаются в раскале современных им страстей — а только на большом отстоянии охладительного времени. Долго не хотели услышать и признать того, что кричало голосами погибающих и даже сжигаемых заживо: что крестьяне трудового края, ради которых будто бы и делалась революция, — доведенные именно ею до крайности притеснения и унижения — восстали против неё!

Что всякая революция выпускает из людей наружу инстинкты первобытного варварства, тёмную стихию зависти, жадности и ненависти — было слишком видно и современникам. Достаточно страшно достался им тот повальный психоз, когда проявить себя, да даже только показаться умеренным — уже выглядело преступлением. Но особенно XX век сильно и сильно снизил в глазах человечества тот романтический ореол революций, который ещё господствовал в XVIII. Отделяясь на полувека и века, люди стали всё более убеждаться

на своих же бедах, что революции разваливают органичность общества; разоряют естественность жизни; уничтожают лучшие элементы населения и открывают простор худшим; что никакая революция не может обогатить страну, лишь немногих бессовестных ловкачей, своей же стране в целом несёт она многие смерти, широкое обнищание — а в самых тяжёлых случаях и долговременное вырождение народа.

Да само слово «революция» от латинского *revolvo* — означает «катить назад», «возвращаться», «снова испытывать», «вновь разжигать», в лучшем случае — «переворачивать». Незавидный перечень смыслов. Сегодня в мире если к какой революции и прилагают атрибут «великая» — то с большой осторожностью, а нередко — и с большой горечью.

Теперь мы всё более понимаем, что страстно желаемый нами социальный эффект, но с неизмеримо меньшими потерями и без всеобщего одичания, — достигается нормальным эволюционным развитием. Надо уметь терпеливо улучшать то, что у нас есть в каждое «сегодня».

И тщетно было бы надеяться, что революция может изменить к лучшему человеческую природу, — а ваша революция и особенно наша, российская, — сильно надеялись на это. Французская революция текла во имя внутренне противоречивого и неисполнимого лозунга — «свобода, равенство, братство». Но в общественной жизни свобода и равенство — исключают друг друга, враждебны друг другу: ибо свобода разрушает социальное равенство, в этом и свобода, а равенство — подавляет свободу, иначе его не достичь. Братство же — вообще не из их семьи, это лишь крылатый добавок к лозунгу: подлинное братство достигается не социальными средствами, а лишь духовными. А ещё ж к этому тройному лозунгу угрожающее добавлялось «или смерть!», уничтожая уже и весь смысл его.

Никакой стране никогда не пожелаю «великой революции». Революция XVIII века лишь потому не погубила Францию, что в ней состоялся Термидор. А вот в российской революции не было останавливающего Термидора — и она,

без излома, докатила наш народ — до конца, до пропасти, до пучины гибели.

Мне жаль, что здесь сегодня нет ораторов, которые бы добавили ещё и от пережитого в глубинах Китая, Камбоджи, Вьетнама, — какой ценой далась революция им.

Опыта Французской революции, кажется, было достаточно, чтобы наши российские рационалисты-устроители «народного счастья» научились на нём. Но нет! — в России всё совершилось в ещё худшем виде и несравнимых масштабах. Многие жестокие ухватки Французской революции были ученически повторены на теле России коммунистами-ленинцами, интернационал-социалистами — только их организованность и систематичность были много выше якобинских.

Термидора у нас не было, но Вандея — к нашей духовной гордости — была и у нас, и даже не одна. Это большие крестьянские восстания — Тамбовское 1920-21, Западно-Сибирское 1921. Известен такой эпизод: толпы крестьян в лаптях, с дубинами и вилами, пошли на Тамбов под колокольный звон окрестных сёл — и посечены пулемётами. Тамбовское восстание продержалось 11 месяцев, хотя коммунисты давили его броневиками, бронепоездами, самолётами, брали в заложники семьи повстанцев и уже готовили к применению отравляющие газы. И ещё было у нас — непримиримое сопротивление большевизму казаков уральских, донских, кубанских, терских, залитое огромной кровью, геноцидом.

И вот, открывая сегодня памятник вашей героической Вандее, — я испытываю двоение взгляда: я мысленно вижу и те памятники, которые когда-нибудь поднимутся в России — как знаки нашего русского сопротивления накату зверского коммунизма.

Мы все с вами пережили XX — насквозь террористический — век, содрогающее увенчание того Прогресса, о котором столько мечталось в XVIII. И, я думаю, теперь — всё больше французов, со всё большим пониманием и гордостью будут вспоминать и оценят самоотверженное вандейское сопротивление.

д-р Эдуард Юрченко

КОЛИИВЩИНА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Украина является неотъемлемой частью европейской цивилизации и неудивительно, что знаковые события в её истории естественным образом напоминают аналогичные моменты в истории других стран. От того, как мы смотрим на отечественную историю в общеевропейском контексте — ощутимо зависит восприятие нами как самих себя, так и нашего места в Европейском «ансамбле наций».

Мы уже поднимали вопрос о том, что трактовка легендарной Колиивщины в духе восстания «угнетённых холопов» не соответствует действительности и преследует целью фактическую дискредитацию отечественной истории. Левацкая украинофобская трактовка Колиивщины вызывает сравнение её с деструктивными антинациональными движениями, такими как санкюлотство эпохи «французской» революции или, в лучшем случае, деструктивными бунтами социальных низов в разных странах. Безусловно, Колиивщина как национально-государственный акт, который зиждется на глубоко традиционалистических началах, не имеет с такими явлениями ничего общего.

Тем не менее, можно провести некоторые параллели с повстанческими движениями Западной Европы. Только движения эти носили откровенно антилевацкий и традиционалистический характер.

Напомним основные черты нашей Колиивщины:

Защита традиционной религии (в нашем случае - православного христианства);

Борьба за восстановление традиционной государственности (в нашем случае - гетманства);

Защита традиционных «прав и вольностей» (то есть полностью конкретных и освящённых традициями, а не вымышленных утопистами-леваками);

Широкая солидарность всех слоёв общества в сочетании с опорой на крестьянство.

Какие явления были схожими в истории Европы примерно того же (17-19 века) периода?

Больше всего похожих моментов мы можем увидеть с французским правым сопротивлением 1790-х годов, направленным против так называемой «французской» революции.

Оно более известно в литературе под названиями «Вандейской войны» и «Шуанерии» (хотя это не совсем точные названия). Массовой опорой восстания были именно крестьяне, хотя в нём приняли участие представители всех слоёв тогдашнего французского общества. Важную роль играли представители военно-аристократического сословия, хотя их не всегда хватало сугубо количественно (похожую ситуацию мы видим, когда вспоминаем роль козачества и украинской шляхты в Колиивщине). Характерно, что в обоих случаях враги пытались (и пытаются до сих пор) навязать восприятие повстанцев как «тёмных забитых деревенщин».

В обоих случаях повстанцы поднимали на щит лозунг защиты традиционной религии. Это не имело ничего общего с использование сектантских идей определёнными чисто бунтарскими движениями Средневековья. Речь шла именно об обороне укоренившейся в традиции привычной религии и Церкви как традиционного института. Для повстанцев это было принципиальным - они защищали «родительскую веру». Даже формулировка была одинаковой.

В обоих случаях восстание было направлено на восстановление традиционной национальной государственности. В случае Франции - на восстановление Королевства, а в случае Колиивщины на реставрацию Гетманщины (в сочетании с обращением к княжеской традиции).

Важным моментом было то, что в обоих случаях повстанцы сражались за традиционные права и вольности. Украинцы требовали отмены барщины и возвращения «прав и вольностей древностей» различным сословиям украинской нации

(включая привилегированные). Французские повстанцы-монархисты защищали право на народное самоуправление общин и провинций, протестуя против насилия и порабощения со стороны коррумпированных чиновников, олигархов и революционных комиссаров. В обоих случаях шла борьба за реальную свободу жить согласно собственному укладу, а не за абстрактную «свободу», в роли лживого лозунга для прикрытия злоупотреблений.

Надо отметить, что мы разобрали лишь одну из параллелей Колиивщины с аналогичными движениями. Но (с поправкой на местную специфику) можно уверенно говорить о её родстве с такими известными повстанческими традиционалистскими движениями, как испанские карлисты, британские якобиты, португальские мигелисты, в определённой степени с ирландскими тори и бригагантио в Южной Италии.

Таким образом Колиивщина не имеет ничего общего с деструктивными левацкими движениями и занимает достойное место в истории европейского милитарного традиционализма.

Дурите детей
и брата слепого,
дурите себя, чужих людей,
да не дурите Бога.
Ибо в день радости над вами
раскроется кара.
И повеет огонь Новый
из Холодного Яра.
Дуріть дітей
І брата сліпого,
Дуріть себе, чужих людей,
Та не дуріть Бога.
Бо в день радості над вами
Розпадеться кара.
І повіє огонь новий
З Холодного Яру.

В заключение – пара «вирш» от «вандейского батька»:
КОЗАЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Дмитро Корчинскому

«Сейчас после прожитых лет мы видим, что Хмельниччина, Коливищина, Махновщина и Бандеровщина – это форма существования украинского духа. А за пределами этой формы он даже как бы не существует. Не экзистирует, так сказать. Просто дохнет» (Д.К.)

Хмельниччина, гайдаматчина...

Железный Гонта, стальной Железняк...

Украина, как стала ты мачехой,

Для тех, кто по расе – козак?...

Где буйный Василь Вошило,

Внук Хмеля, жидов гроза? –

Всех вывели? Всех убили?

Да жив ль хоть один козак?!...

Одни свинопасы остались

Неужто, и нет козаков? –

Есть Украина горилки и сала,

Нет Украины стволов и клинков.

Свинопасы в «радах» и банках,

Свинопасы в «церквях» и офисах, –

Но тень махновской тачанки

По шляхам степным проносится...

Тень Бандери и тень Чупрынки

На глазах облекаются в плоть:

Свинопасам – майданы и рынки,

Козакам – ремесло господ!

Нет, Украина не вся – свинопасы;

Не подкупишь – не хватит купюр –

Козаков Последнего Часа

С Революцией «от кутюр»!

КОЛИИВЩИНА-XXI

«Тиха украинская ночь...»

(А.С.Пушкин)

«... А тим часом гайдамаки

Ножі освятили.

Будете панами,

Та, як ми, з ножами,

З ножами святыми,

Та з батьком Максимом»

(Т.Г.Шевченко, «Гайдамаки»)

Всё, построенное на Лжи,

В испытаны не станет прочным. –

Козаки освятили ножи

Украинскою тихою ночью.

Нас ордынские давят тиски

От Москвы до украин, где смогут. –

Но освятили ножи козаки,

И Орде не видать перемоги.

Ложь с насилием – стиль Сатаны,

Ему служат московские каты. –

Но ножи на них освящены –

И никому не уйти от расплаты!

Примітка: Колійвщина (укр. Коліївщина) — восстание гайдамаков из числа православного крестьянского и козацкого населения на Правобережной Украине в 1768 году против польско-жидовского гнёта. Название восстания, происходит от слова «колий» (укр. колій, от старорус. слова «колоть», «закалывать») — специалист по заботу о свиней... Восстание началось в районе Свято-Троицкого Мотронинского монастыря (ныне Черкасская обл.), где собрался отряд недовольных крестьян под руководством запорожского козака Максима Железняка, и где игумен оного монастыря Мелхиседек (Значко-Яворский) освятил для повстанцев ножи... «Трезубец, освящённый крестом и лезвием ножа — вот великий знак и великая наша реликвия».

ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ

Французское Королевство «во время *оно*» среди христианских королевств Европы блистало особливым образом. Францию некогда называли *«старшей дочерью Церкви»*, и не сказать, что «незаслуженно». Отечественный историософ и василеолог Владимир Карпец, переводчик с французского, весьма начитанный в источниках роялистской мистики, выдвинул некогда тезис, что в «планах Провидения» именно Франция приуготовливалась на роль «Третьего Рима», а захолустное Московское Царство пришлось, корректируя сии «планы», вводить как «запасного игрока» на поле метаистории. Конечно, комментировать «планы Провидения» мы не дерзём, отметим лишь, что появление подобной идеи («Франция – Третий Рим») нельзя не признать симптоматичным. Однако, тот кто вознесен на *большую* высоту, в случае «падения» рискует пасть «ниже низкого». Подобное произошло с *«La Belle France»*, ибо Революция во Франции (во многом заложившая «основы» современного мира) по своему *сатанинскому характеру* не шла ни в какое сравнение ни с «английской», ни с «голландской» буржуазными революциями, предшествовавшими ей. Только большевики в России сумели превзойти в осатанении Марата с Робеспьером. Но и они, брали себе Французскую Революцию «за образец», любили сравнивать себя с якобинцами, а меньшевиков с жирондистами и т.п.

«Во Французской революции есть сатанинский элемент, который отличает её от любой другой революции, которая известна или, возможно, будет известна. Вспомните великие события - речь Робеспьера против священства, торжественное отступничество священников, осквернение предметов культа, инаугурацию богини Разума и множество возмутительных действий, с помощью которых провинции пытались одолеть Париж: всё это покидает обычную сферу престу-

плений и кажется принадлежащим другому міру» (Жозеф де Местр, “Разсуждения о Франции”).

И вот «опять» Французская республика умудрилась оказаться «впереди планеты всей»... *Франция стала первой страной в истории человечества, закрепившей право на аборт в Конституции.* Французский премьер Габриэль Атталь заявил: «Сегодня, решив включить в Конституцию свободу прибегать к абортам, Франция послала всему миру исторический и мощный сигнал: женское тело принадлежат только женщинам, и никто не имеет права распоряжаться им вместо них». С каких пор ребёнок стал частью тела женщины, гражданин премьер-министр решил не уточнять. Ватикан осудил французскую политику детоубийств. Святейший Престол, как сообщает ватиканский официоз «Новости Ватикана», полностью поддерживает французских епископов, утверждая, что аборт – это преступление против жизни, и его недопустимо рассматривать в перспективе «права для женщин». Особенно епископат покоробил тот факт, что во время парламентских дебатов никто не подумал о мерах по поддержанию женщин, желающих выносить и родить ребенка. Впрочем, это неудивительно, как известно, нет человека, нет и проблемы. Папская академия защиты жизни выступила с заявлением по поводу последних инициатив французского парламента. Сия «академия» ещё раз повторяет, что ни у кого не может быть “права” обрывать жизнь невинного и беззащитного человека, которым, с соответствии с законами биологии является эмбрион. Впрочем, едва ли это переубедит упорных сторонников “свободы” аборотов. Остаётся лишь молиться за страну, которую когда-то называли “первой дочерью Церкви” (<https://t.me/christrussia/1223>).

Русский католик Димитрий Тараторин дал такой комментарий: «Да, Франция опять «впереди планеты всей». Традиция детоубийства имени Жиля де Рэ живёт и побеждает... Пока... Это страна, которую, похоже спасёт только реставрация Монархии. Полумерами уже не обойтись»...

Два с лишним века после «великой» Революции, Франция жила под знаком всестороннего упадка. Несколько раз за эти годы «республика» претерпевала *полнейший крах* (слово «республика», как утверждал приснопамятный «мета-филолог» адмирал А.Шишков, происходит от: «режь-публику»). Достаточно яркий пример – события июня 1940 года. Приведём в качестве иллюстрации малоизвестную статью идеолога ОУН Николая Сциборского, датированную 1941-м г., как раз посвящённую живописанию краха французской «демократии»:

«Когда немецкая нация ограничила до минимума свои жизненные нужды для задач экономической автаркии - демократия весело насмехалась, что Геринг-де кормит немцев «пушками вместо масла» и пропагандировала беззаботное пожирание вкусных «бифштексов». И под её влиянием смеялись над «глупыми немцами» обычный француз и англичанин, даже не подозревая, что придёт время, когда немцы будут иметь и пушки, и масло, а они ни того, ни другого... Национал-социализм ударно выковывал из молодёжи новый тип немца-борца и господина; а в Париже в это время на педагогических съездах учителя публично декларировали, что «наиболее ценная вещь - это жизнь; лучше быть в рабстве, чем умереть...». Но в условиях демократии - их никто не наказывал за это преступление: они же, дескать, высказывали свои личные мнения» (пресвятейшая для демо(но)кратов вещь!).

В подвиге и аскетизме, немецкая нация круглогодично день и ночь работала на заводах и фабриках, в городах и сёлах. Для будущего! А во Франции в то же самое время происходила вакханалия, «афера стависского», Блюм играл на демагогии о 40-ка часовой рабочей недели, а «народные фронты» организовали общественную войну, с саботажами и забастовками. И что наиболее показательно для ослеплённости и вырождения демократии: все эти преступления и безумства провозглашались за идеал политической мудрости. Общественное мнение уверяли, что всё обстоит благополучно, что Франция богатая и сильная, имеет наилучшую армию

(тогда Петену ещё не давали говорить!) и - самое главное это «линия Мажино». Для пораженческой ментальности демократии - эта пресловутая «линия Мажино» была своеобразным символом! И многим казалось, что это всё на самом деле так, и что конца не будет демократической «просперити». Характерно, что даже такой реалистический французский ум, как Фланден, имел однажды неосторожность заявить, что французский народ «слишком умный», чтобы вводить у себя авторитарное устройство...» (Микола Сіборський, 1941 г.).

Единственный период какого-никакого «возрождения»: это как раз *правление Маршала Петена...* А далее – всё опять покатилось по наклонной... Действительно, «полумерами» не обойтись... Возможна ли Реставрация Монархии во Франции – се отдельный, что называется, «интересный вопрос». Сколь сие не покажется парадоксальным, начитавшемуся про отечественный «Третий Рим» (после коего «ничему не бывать») компатриоту, несие «предпосылки» для сего имеются... И вообще – *степень «остаточного Христианства в Европе выше, нежели в современной России*, где сегодня принято надмеваться собственной «духовностью» и «традиционностью». Об этом умно и жёстко пишет тот же Дм. Тараторин:

«Скажу вам страшное: Запад морален, а Россия аморальна.

И приведу первое, вот прямо сейчас актуальное доказательство. Дискуссии обabortах сейчас идут в разных странах. Но нигде, кроме России этот вопрос не увязывается с демографией. Везде он дискутируется, как чисто моральный. А вот в России невозможно обращаться к аудитории, апеллируя к морали - не поймут. И не понимают.

Между тем на Западе сталкиваются два моральных подхода. Но оба исходят из базовых незыблемых констант: свобода - это хорошо, а насилие - это плохо. Эти константы рождены христианством. И без него они бы не родились. И в России обе истины совершенно для большинства не очевидны.

Сама идея прав человека христианская, безусловно. И впервые была отчётливо сформулирована католическими священниками, вступившимися за безбожно угнетаемых конкистадорами индейцев. Другой вопрос, что в отрыве от понимания того, что права эти возникают из особого статуса, которым Бог наделяет человека, они становится лишёнными основы и соответственно легко оспоримыми.

И на Западе, повторю, борются два моральных подхода. Один - христианский, исходящий из того, что и свобода, и насилие должны поверяться словами Христа. И первая без этого становится разрушительной для самого понятия «человек». А второе, наоборот, без христианской основы никогда не удастся ограничить и обуздить. Либералы же этого не желают признавать, ставя свободу, ничем не ограниченной личности в центр своего морального кодекса.

Но отказ от «западных ценностей», как таковых, без учёта вышеописанной проблематики, - это отказ от христианских ценностей в пользу набора безмысленных табу и обязанностей, не сопряжённых ни с какими правами. И это именно то, что пропагандируют отечественные поборники традиционности»...

...Как говаривал барон фон Либенфельс, «главная борьба – это борьба идей, и нельзя знать, **как** сражаться, не зная заранее, **за что** идёт борьба»...

ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ-2

«Великая» (во злодеяниях своих) Французская революция, поистине, послужила trigger-ом буквально *всех разрушительных процессов* в последующие века Европейской истории... Об одном из них поведём речь ниже, но вначале приведём две характеристики Революции, принадлежащие двум крупнейшим теоретикам Контрреволюции:

«Безформенная, грубая, прокисшая, страшная, печальная смесь педантизма и похоти». Сию эмоциональную характеристику Эдмунда Бёрка с контрреволюционной педантичностью дополняет Луи де Бональд, вынося обвинительный вердикт «философии Просвещения», идейно подготовившей Революцию: «Впрочем, философия не предполагала разрушения без замены; она заменяла реальность абстракциями: у знати она ставила *разум* на место *религии*; у народа – *закон* на место *власти*; а у всех – она ставила неведомую мне филантропию на место милосердия и любви к ближнему: ведь религия, которая для некоторых есть *разумение*, для всех является любовью; ведь не все люди обладают просвещённым умом, но все – чувствительным сердцем».

Одним из политico-патологических процессов, восходящих к Революции, является *негритизация* – сначала Франции, затем и остальной Европы. Французская Республика, где сей погибельный процесс был активизирован в ходе Первой мировой войны (Франция активно использовала против «бошней» военные части, набранные из «афрофранцузов»), в 1920-е гг. по этой части, действительно, была *«впереди планеты всей»*. Опережая *даже США*, где все «плотины», удерживающие черномазую стихию, были снесены лишь в 1960-е гг.

Американский писатель Фрэнсис Фицджеральд, автор известного романа «Великий Гэтсби», в частном письме Эдмунду Уилсону от июня 1921 года сокрушается об ужасающем положении Европы: «Чёрт бы побрал Европейский

континент. Он представляет чисто антикварный интерес. Рим отстаёт от Тира и Вавилона всего на несколько лет. *Негритянская полоса ползёт на Север, оскверняя nordическую расу*. У итальянцев уже души черномазых. Поднимите миграционные барьеры и разрешите въезд только скандинавам, германцам, англосаксам и кельтам. Меня тошнило от Франции. Её глупая позиция о том, что мир нужно спасти. Я думаю, это позор, что Англия и Америка не позволили Германии завоевать Европу <...> **Я наконец-то поверил в бремя Белого человека**. Мы настолько же выше современного француза, насколько он выше негра <...> Возможно, вы в шутку говорили о Нью-Йорке как о культурной столице, но через 25 лет он будет таким же, как Лондон сейчас. Культура следует за деньгами, и все утончённости эстетизма не могут помешать ей сменить место жительства. В следующих поколениях мы будем римлянами, какими сейчас являются англичане».

Любопытно, что Фицджеральд вложил свои переживания, переживания Белого европейца, в уста персонажа Томаса Бьюкенена, который, рассуждая о книге «Бунт против цивилизации» именитого расового теоретика Лотропа Стоддарда, тревожно отмечает, что «цивилизация разваливается» и «мы не заботимся о том, что Белая раса будет полностью уничтожена <...> мы, доминирующая раса, должны быть осторожны, иначе другие расы будут контролировать ситуацию» — как живо эти слова звучат сегодня!..

Особенно встревоженно взирали на негритизацию Франции *с той стороны Рейна*. Франция была среди держав-победительниц, диктовавших свою волю побеждённой Германии. В зависимости от Франции находились такие страны, как Польша и Чехия, «преторианцы французской политики», отхватившие изрядные части германских территорий по «Версальскому миру», соседствующие с Германией и могущие причинить ей множество неприятностей, и самоизмышленных и копирующих галльский анти-пример...

Так, капитан Герман Эрхардт, глава легендарного фрайкора «Бригада Эрхардта», преобразованного позднее в союз «Консул», по-своему возродивший в ХХ в. священокарательную практику средневековых «судов Феме», писал: «Франция, жутко страдающая от собственного расового разложения, болезненно воспринимающая собственную слабость и связанные с ней угрозы, активно привлекает на свою сторону представителей жёлтой и чёрных рас. Навязывая свету фантом галльского континентального могущества, *Франция на самом деле загрязняет душу Белого міра расовым смешением*. Борьба до последнего или гибель – вот удел национального немецкого міра. В Западной Европе уже обосновались преторианцы французской политики – чернокожие и жёлтокожие наёмники, которые вооружаются и снабжаются международным капиталом. *Представители же этого капитала даже по своим внешним признакам много ближе к цветным ордам, нежели к Белому человеку*. Их высшим нравственным принципом является стремление к захватам и обогащению. Богатство является источником их силы и самомнения. Мировая война стала триумфом международных сил, которые в качестве своего суверена признают только золото. Они обманывали и сталкивали между собою народы. Их боевым средством стало золото, которое является смертельным врагом для всякой естественной национальной жизни. Золото всегда было и будет оружием капиталистического Интернационала. Жажда лёгкой и аморальной наживы, безпринципное властолюбие объединили этот боящийся света сброд, который сложно отнести к какой-то конкретной нации. Он использует лишь отдельные народы в своих собственных интересах. Этот сброд не считается с традициями, царящими в обществе. Он лишь способен, подобно ненасытному вампиру, насыщаться кровью нации. Очень редко удаётся приподнять завесу над этими тайными силами. Капиталистический Интернационал сегодня перебрался в Америку, которая может считаться самой сильной

страной міра. *Оттуда Иудея руками Франции хочет за-кончить порабощение Европы!».*

Отметить должно, что в Википедии обретается нарочитая статья «Попытка африканизации Европы после Первой мировой войны». Текст сей небольшой по объёму, но весьма содержательный. Вопроизводим его ниже:

Африканизация Европы как политика Франции после Первой мировой войны — действия Франции по негритизации, исламизации и арабизации Германии после Первой мировой войны.

Общие сведения

После Первой мировой войны, победившие страны Антанты не только лишили Германию её колоний, не только захватили изконные немецкие земли, не только наложили на Германии колоссальную контрибуцию, но и оккупировали Рейнскую область. Части Германии были оккупированы войсками Антанты с 1919 года, в большей степени с 1923 по 1930, частично по 1935 год. Численность военнослужащих колониальных частей, введённых в Рейнскую область, в 1919 году составила 25 000 — 40 000 человек. Французы по-видимому желали этой оккупацией захватить немецкие земли до Рейна [1].

В оккупационной зоне служило немало арабов и негров из французской и других антантовских армий, которые местным немецким населением обвинялись в различных преступлениях против гражданского населения Германии. Так, сенегальские стрелки французской армии были замешаны в изнасилованиях женщин и детей [2]. Имели место и грабежи. Так как солдаты обычно подчиняются дисциплине, можно сделать вывод, что происходящие было следствием молчаливого согласия командования.

Демонстрацией нежелания оккупационных войск бороться с изнасилованиями могут являться следующие слова генерала Генри Турeman Аллена, который писал в письме го-

сударственному секретарю США: «Массовые преступления, якобы совершаемые чернокожими военнослужащими вооружённых сил Франции, к примеру, насилиственный увоз гражданских лиц, проявление насилия, нанесениеувечий, преднамеренные убийства, а также сокрытие жертв преступлений нашли отражение в немецких периодических изданиях, на самом же деле это ложь, развёрнутая немецкой пропагандистской машиной»

Некоторые немки вышли замуж за солдат-негров, а также нарожали от них незаконнорождённых детей («рейнландские бастарды»). По некоторым данным, число этих детей составило от 500–600 до 3841 человек [3] (возможно, последняя цифра отражает число детей рождённых от оккупационных войск вообще, а не только от африканцев).

По мнению критиков, подобная политика способствовала экспансии арабов и негров в Европе. Сайт забытаяреальность.рф утверждает: Германия вынуждена была просить об отсрочке контрибуции у Франции. Однако Франция в ответ на это оккупировала Германские области Саара и Рейна, активно используя для этого своих друзей по колониям — Негров. Естественно, вскоре после этого появились тысячи изнасилованных немок и француженок. В насмешку над немецкой гордостью, французский Генштаб направляет в свои рейнские гарнизоны колониальные полки, сформированные из сенегальцев. Чернокожие солдаты перемещаются из тропиков в университетские города Рейнланда. По сути, это было первое проникновение тысяч чернокожих мужчин в сердце старушки-Европы. До появления миллионов африканцев и мусульман в городах Старого Света, до постколониального возгорания пригородов Парижа должны пройти ещё десятки лет. Но тогда, в 1920-м году, газеты впервые сообщают о диких выходках чернокожих воинов. Драки, пьянки, изнасилования наводят ужас на бургевов. Для обслуживания сенегальских полков создаются особые бордели с немецкими женщинами [4].

Факт массовых изнасилований признаётся историками, например Борис Тетенбаум пишет: «Огромные потери во время Первой мировой войны вынудили Францию использовать в Европе и свои колониальные войска, набранные в Марокко и в Сенегале. Поскольку они к тому же, как правило, не подлежали демобилизации, то их часто использовали для оккупации германских территорий – и на Рейне, и в Сааре. С дисциплиной что у сенегальцев, что у марокканцев дело обстояло так: своих офицеров-французов они слушались беспрекословно, всех остальных игнорировали, а на побеждённых смотрели как на законную добычу. В итоге в оккупированных районах прокатилась волна грабежей и изнасилований» [5].

Потомки чернокожих солдат Антанты и немецких женщин — «рейнландских бастардов» (Rheinlandbastard — потомки чёрных солдат Антанты и немецких женщин) подвергались в гитлеровской Германии принудительной стерилизации начиная с 1937 года. Около 400 детей смешанного происхождения были арестованы и стерилизованы.

Реакция в Германии

Использование негров и арабов в качестве оккупационных войск вызвали всплеск расизма в Германии. Но, народный гнев не мог выплыться против вооружённых оккупантов, и вместо этого стали звучать обвинения в адрес евреев. Так, Адольф Гитлер обвинил во всём евреев: «Евреи привели и приводят негров на Рейн все с той же затаённой мыслью и целью — неизбежным смещением крови уничтожить ненавистную им Белую расу, свергнуть её с её культурно-политической высоты и самим захватить над ней власть».

Впрочем, даже в окружении Гитлера раздавались и более трезвые голоса. Например, Альфред Розенберг отмечал, что оккупация Германии африканскими солдатами являлась политикой Франции: «Франция взяла на себя предводительство над чёрной расой с целью при её помощи африканизировать Европу». Франция уже не европейское государство, а «фор-

пост Африки»; Франция стоит во главе движения, направленного к низведению всего мира до породы «дворняжки» (der Weltverkotierung) [6].

Евреи в Европе во время Холокоста подверглись истреблению, но приток африканцев в Европу не только не уменьшился, а наоборот резко усилился, что лишний раз показывает абсурдность обвинений Гитлера.

Последующие события

После Второй мировой войны Франция и Великобритания продолжили свою политику, впустив в Европу миллионы негров, арабов и других азиатов в ещё большем масштабе, чем в 1920-е годы.

Источники:

- 1.Морис Баррес: французская «стража на Рейне».
 - 2.Hans-Jürgen Lüsebrink. Les tirailleurs senegalais et l'anthropologie coloniale un litige franco-allemand aux lendemains de la première guerre mondiale.
 - 3.Леонид Млечин. Великая война не окончена. Итоги Первой Мировой.
 - 4.<http://забытаяреальность.рф/korni-nacizma/>.
 - 5.Борис Тетенбаум. Гений зла Гитлер.
 - 6.Rosenberg, Krisis und Neuauftbau Europas, Berlin. 1934, S. 37–38. // Л. Кайт. Внешнеполитическая концепция германского фашизма. Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник статей. М.: Соцэкиз. 1936.
- [\(https://cyclowiki.org/wiki/Попытка_африканизации_Европы_после_Первой_мировой_войны\)](https://cyclowiki.org/wiki/Попытка_африканизации_Европы_после_Первой_мировой_войны)

...Rassenschande и Negritisierung политика продолжается и в современной Европе и «идёт по нарастающей». Соображения и прогнозы, что АГ, что прочих современных ему немецких критиков «африканизации» Европы, не только не «абсурдны», но *день ото дня подтверждают свою и прозорливость, и мега-актуальность*. Как остро актуальны

слова Артура Мёллера ван ден Брука, коими он заключил свой трактат «Третий Райх» (1923): «Принцип либерализма состоит в том, чтобы не иметь твёрдых принципов и утверждать, что это само по себе является принципом <...> Либерализм подорвал цивилизацию, уничтожил религии, погубил нации <...> Животное проглядывается в человеке. *Африка затмевает Европу*. Мы должны быть стражами на пороге ценностей».

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАВРОВ

«Мавры, изгнанные славным Карлом Мартеллом, возвращаются во Францию», сия фраза Ж.-М. Ле Пена стала «крылатой»... О том, чем закончится для La Belle France «возвращение мавров» выразительно живописует зловещая антиутопия Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», всё там описанное «воплощается в жизнь» темпами прямо таки «стахановскими»... Алексис де Токвиль, французский философ и министр иностранных дел Франции в 1849 году, один из основателей современной политологии, и своеобразный предтеча «Национального фронта», высказывался в том числе и о Коране: «Я много изучал Коран. Я закончил своё исследование с убеждением, что было лишь несколько религий в мире настолько же смертельных для человечества, как религия Мухаммада. В этом основная причина упадка мусульманского мира. <...> Доктрина, которая говорит, что первый долг каждого верующего — слепое подчинение пророку, и что священная война — первое из всех добрых дел, скрывается на каждой странице, почти в каждом слове Корана. Агрессивные и чувственные тенденции Корана так сильно бросаются в глаза, что мне не ясно, как их может не увидеть любой здравомыслящий человек». Ещё в 19 веке Алексис де Токвиль осознал то, что спустя два столетия не могут постигнуть наши современники: Коран и вообще «религия Мухаммада» побуждают к жестокой войне против «неверных». В «честь» Рамадана-2024 во Франции осквернили более 50 христианских могил. На них было написано следующее: 1. Подчиняйтесь Аллаху; 2. Рамадан мубарак, белые; 3. Иса разрушит крест; 4. Кафиры; 5. Собаки и т.п. «милота»...

Один из правых тг-каналов справедливо комментит «такое»: «Менее года/полугода/месяца/минуты назад мигранты зарезали, четвертовали, изнасиловали французскую/шведскую/английскую девочку 4-ех лет. Помните какие жёсткие

бунты, погромы, убийства и грабежи устроили французы и англичане??? В соцсетях регулярно возникают подобные сообщения, как только инорасовые захватчики в который раз громят улицы европейских стран.

Нет, не помним. Потому что европейцы стали жалкими терпилами без самосознания, чувства кровной общности, этнической идентичности, неспособными ни то что ответить на преступления захватчиков против своей нации, но и элементарно за себя постоять. Как группа. Как единое целое. В этом негры и арабы полностью превосходят французов и прочих белых гоев, что позволяет тем доминировать над европейцами со всех их культурой, цивилизацией, искусством и прочими вещами, безтолковыми и не имеющими никакой ценности, ведь постоять за них некому.

Вы этим гордитесь и хвастаетесь? В этом видите своё “превосходство”? Кролики в клетке на забой и то лучше вас, оказывая больше сопротивления. Объединившись, белые люди мигом изгнали бы со своих земель всех инородных захватчиков. Очень быстро, просто и эффективно.

Вместо этого вы выбираете “достоинство и гордость” забойного скота. Какой прок с интеллектуальных способностей, культуры и интеллигентности человека, совершающего суицид?

Каждое убийство, изнасилование, иное преступление инородцев, направленное против людей нашей расы, ДОЛЖНО отмщаться погромом в разы превосходящим вскрики и прыжки завезённых диких обезьян с Африки»...

Не следует, впрочем, думать, что оные «мавры» существа умные и хитрые и способные к стратегическому планированию. Они как раз таки весьма примитивны (что ярко обрисовано г-жой Чудиновой), но планируют-то более изощрённые «товарищи». Их «возвращение» организуется планомерно, потому что «Интернационалка распорядилась» (говоря словами Ф.М.Достоевского). Новейшая история видела несколько «Интернационалов», они конкурировали меж собою, но

целеполагание у всех у них было аналогичным. В области народно-национальной, цель – нивелирование национальных и расовых различий и конструирование интернационального «человейника», населённого «серой расой»... Перемещение на территории Белых народов цветных масс – это один из методов «интернационалки»... По ситуации сегодняшнего дня на востоке Евразийского континента правят наследники сталинского Коминтерна (неосталинистским является не только режим РФ, но и КНР, КНДР и т.п.). А на Западе «рулят» наследники троцкистского «4-го Интернационала». Их think tank называется «франкфуртской школой»; их наработки являются частью гласной, а частью негласной основой «идеологии» нынешнего Запада. «Деятели «Франкфуртской школы», сегодняшние захватчики Европы, предпринимают всё, чтобы разжечь и без того пыщущую ненависть уродов общества и чуждых духу европейской расы инородцев (христиане, язычники — неважно, мы все для них только «неверные»; бизнесмены, семьянины — достойные люди для них «угнетатели»!): они могут обворовывать и унижать нас, физически выкорчёвывать с нашей же земли — европейцам же юридически (!) запрещено даже обороняться! Очевидно, что не будь покровительства левых предателей, не было бы и ужасных преступлений; ищите причины, а не преследуйте следствия», - констатирует правый конспиролог. Тот же исследователь раскрывает генезис «франкфуртцев»: «Основатели и представители «Франкфуртской школы», властивущей сегодня над Европой, — поголовно евреи. Стоит перечислить лишь несколько громких фамилий, напрямую относящиеся к закладке фундамента, а затем распространению идей «Франкфуртской школы»: Зигмунд Фрейд, Эрих Фромм, Дьёрдь Лукач, Макс Хорхаймер, Вильгельм Райх, Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Вальтер Беньямин, Эрнст Блох, Лео Лёвенталь, Фридрих Поллок... — список, без всякого преувеличения, можно перечислять безконечно долго. Но главное - все перечисленные лица, с первого до последнего, -

евреи! Кстати, попробуйте угадать, кто являлся лейтмотивом «Золотых двадцатых», а после демократического прихода к власти национал-социалистов убежал из Германии?.. Что же получается? Отцы-основатели, идеологи и пропагандисты «Франкфуртской школы», будучи поголовно евреями (и это не абстрактное суждение — выше мы уже перечислили конкретных людей с подробными биографиями в интернете!), сегодня завладели всей Европой и объясняют европейцам через купленные медиа, что их тысячелетние ценности (будь то Античность или Христианство — суть примерно одна и та же, что доказано историей) являются «ложными», а вот учение «Франкфуртской школы» — единственno истинным» (Фил Фотофф).

Историк и писатель Михаил Веллер (сам еврейского происхождения, но еврей-«ревизионист») выдаёт чёткий анализ «культурной» стратегии «Франкфуртской школы»: «Дело вот в чём: после трагического окончания Второй Мировой войны европейцы, так или иначе, придерживались традиционных ценностей — тогда леваки решили обратиться к стратегии «культурной войны», то есть искать «угнетённых» не экономически (набравший «жирок» пролетариат), но культурно (негры, педерасты и остальные); отныне «угнетателем» выступал не «хитроумный буржуй», а белый европеец-христианин (трудолюбивый мужчина с классическими ценностями). Впрочем, как в предлоге экономическом, так и культурном прослеживается характерная черта — леваки всё также играют на животных слабостях толпы: Белый красавец с талантом и успехом, честный семьянин, а особенно же «*Self-made man*» — здесь ресентименту указали искать себе нового врага. Выражаясь совсем хрестоматийно, основными врагами «Франкфуртской школы» являются три объекта: институт семьи (так, еврей Теодор Адорно в своём сочинении «Авторитарная личность» приходит к выводу, что воспитание в такой семье приводит к фашизму (в их левацкой интерпретации), антисемитизму и ксенофобии, а взамен предлагается

убрать распределение гендерных ролей в семье через матриархальную и андрогинную теории, где последняя стирает различия в полах); христианство и вообще всякую веру (в работе «Догма о Христе» еврей Эрих Фромм, вдохновляясь евреем Зигмундом Фрейдом, пошло оскорбляет Христианство) и, наконец, сексуальная мораль (еврей Вильгельм Райх в книге «Сексуальная революция» ввёл термин, поставленный в её заголовок, и был активным апологетом освобождения от сексуальной морали, а еврей Герберт Маркузе в работах «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек» пропагандировал «принцип удовольствия» и призывал отказываться от классических ценностей Западной цивилизации)».

Но товарищи фрейдо-марксисты, «открав ворота» Белой Цитадели пред маврами, тактически разсчитав (как то свойственно жидам) всё чётко, стратегически могут и просчитаться (как то также свойственно жидам). Ибо маврам глубоко без разницы: резать ли глотки «фашистам» или «фрейдо-марксистам». Так что «перерезав фашистов», мавры запросто могут переключиться на товарищей-неотроцкистов (что, собственно, и начинает происходить). Христианские конспирологи XIX начала XX вв. высказывали такую версию, что древле Кагал поспособствовал формированию Ислама, разсчитывая сделать его «тараном» против Христианства, но данный инструмент «вышел из-под контроля» и причинил и причиняет доныне живовству немало неприятностей. У нас на Руси подобная версия подробно излагается, например, в солидном труде Н.Бутми «Каббала, ереси и тайные общества» (1914). Хотя, с точки зрения «добрых Европейцев», нам мало радости от того, что мавры-чужероды будут резать «белых предателей». Намного лучше: ежели и «предателей» и чужеродов-оккупантов сумеют и покарать, и изгнать Белые наследники Карла Мартелла…

По «горячим» следам сгоревшего храма Нотр-Дам де Пари нами был составлен стих, посвящённый m-lle Chudinoff, кой да заключит наше *commentatio*:

СГОРЕВШИЙ NOTRE-DAME Елене Чудиновой

Будут много толковать эту драму,
Что же, выскажем и мы, без апломба:
Не покинула Париж Наша Дама,
А вернулась к нам, назад в Катаомбы.
Прут по Champs-Élysées образины,
Коим век назад сидеть б в зоосаде,
А Европе отходняк муэдзины,
Всласть поют в парижском «исламо-граде»...
Чтоб не смели черножопые черти,
Мнить, что выиграли реванш у Роланда,
Чтоб не стать Престолу Девы мечетью,
Поработала Сестра-Саламандра.
Наша Раса, наша Кровь, наша Вера,
Ткань веков плетёт свастичным меандром...
Это пуля Доминика Веннера
Разбудила на стене Саламандру.
Как же Франки попустили власть Хама?
Или Рыцари Креста – только тени? –
Не щадит Господь наш дивные Храмы,
Если мерзость в них узрит запустенья...
Если будет ослепительный Подвиг,
И восход кромешный Чёрного Солнца,
И увидит возвратившийся Хлодвиг,
Как идут штурмовики-мавробойцы!
Аще сбудется сие – своды Храма
Примут тьмы свастиконосных процессий,
И взойдёт из Катаомб Наша Дама,
Оценив Париж ценой Ея Мессы...

о.Р.Б.

МОЩНЫЙ СТАРИК ЛЕ ПЕН

«— Кто, по-вашему, этот мощный старик? Не говорите, вы не можете этого знать. Это — гигант мысли, отец русской демократии и особа, приближенная к Императору».

12 стульев

Лента новостей принесла известие: В возрасте 96 лет скончался бывший лидер «Национального Фронта» Жан-Мари Ле Пен. «Он был гостем из романтической эпохи 60-х-70-х. Легионер, солдат вьетнамской и алжирской войн. Лидер, ковавший свою партию в уличных драках с оппонентами. Человек, для которого идеи, мировоззрение, убеждённость были важнее политтехнологий. Но это именно он сделал «Национальный фронт» одной из главных политических сил страны. Не имеет смысла пересказывать вульгарные обвинения в его адрес — от этого уже давно тошно. Для нас главное, что при Ле Пене «Национальный фронт» не был сорванкой Кремля, как при его «прагматичной» дочке» (https://t.me/roman_popkov). «Мощный Старик» Ле Пен — без базара, се один из «батьків» послевоенного Европейского национализма. Ветеран политического пиратства и авторитет для нескольких поколений французских «мятежных сердец» (Д.Веннер). Его мемуары стали безусловным бестселлером; вышедшие из печати в 2018 г., они ещё раз подчеркнули «значення цього міцного дідугана для політичної трибуни нашого часу» (<https://t.me/plomin>).

...Мы поставили эпиграфом цитату из «12 стульев»: при всех пристёбах сего романа (особливо ежели принять версию, что настоящим его автором был «белогвардец» М.Булгаков), там содержатся весьма мощные антисовецкие «закладки». Посему, мы и решились приложить фразу сию к «мощному старине» Ле Пену. О «гиганте мысли» нечто высказано, ска-

жем за «отца русской демократии». Ле Пен был русофилом: не советофилом, и не путинофилом (т.е. неосоветофилом по сути), се – крайне важно. «Мало кто знает, но... в эпоху перестройки, в 90-ые годы Европарламент вынес постановление о запрете нашего первого монархо-фашистского движения НПФ “Память” и именно Жан-Мари Ле Пен, лидер французских правых (входивший тогда в Европарламент) выступил против запрета. Поэтому наш приснопамятный Воевода Дмитрий Васильев всегда хорошо отзывался о нём и был с ним в дружеских отношениях», так помянули сегодняшние «Памятники» сего «Мощного Старика»... Немного подробнее о сем «инциденте» читаем в работе ещё одного «Мощного Старца», академика И.Р.Шафаревича «Трёхтысячелетняя загадка»: «Стремление побыстрее осуществить тогдашние реформы сопровождалось страхом, что этому воспрепятствует некоторая сила, которая суммарно воспринималась как «русский национализм». Подавлению опасного «русского национализма» служила и концепция «русской души — вечной рабы» и ходкий в те годы термин «имперские амбиции». Одно время расплывчатый образ «врага перестройки» — «русского национализма» — конкретизировался в образе общества «Память». По этому поводу по всему миру была развёрнута кампания, вполне сопоставимая по масштабу с кампанией вокруг «Дела Дрейфуса» или «Дела Бейлиса». Об угрозе, исходящей от общества «Память», писали и коммунистические газеты, и американские. Даже Европейский Парламент принял постановление, требующее запрещения этого общества. Сейчас с тех пор прошло 11-12 лет и видно, что «Память» никак себя не проявила, ни в чём не повлияла на нашу жизнь. То есть вся эта мировая кампания отражала, как сейчас говорят, «виртуальную реальность». Но и шире — весь мир был взбудоражен страхами, что из России ему грозит «русский национализм» и «антисемитизм». Газета «Вашингтон Пост» опубликовала статью «Гласность делает слышими голоса антисемитов». Советский академик (ныне покойный) Гольданский напечатал

тал в той же газете статью «Антисемитизм: возвращение русского кошмара» (русский перевод был опубликован в «Советской России»), где сообщает американскому читателю, что в нашей стране «процветают» некие «монархо-фашисты», которые «стремятся закончить то, что начал Гитлер». В качестве единственного примера он приводит потасовку, произошедшую в Доме литератора в Москве. Этот «инцидент в ЦДЛ» тогда обошёл всю демократическую прессу, хотя все его жертвы были чьи-то разбитые очки. (Точнее говоря, одна человеческая жертва была, но как раз со стороны «Памяти»: Смирнов-Осташвили был арестован, осуждён на несколько лет и «найден повесившимся в камере» за несколько месяцев до выхода на свободу). И в то же время русских совершили реально убивали при погромах в Душанбе или в Туве. Но группа демократических общественных деятелей взволнованно требовала восстановления «закона против антисемитизма» (как в 1918 г.)” (<https://t.me/NashPut83/3070>).

Ле Пен был в приятельских отношениях с мегазнаменитым художником Ильей Глазуновым (тот помимо прочего написал портрет «Мощного Старика»). И.С.Глазунов — был также среди «отцов» Русского Национализма, формации 1960-80-х гг. О нём можно повторить преждесказанное: «Не имеет смысла пересказывать вульгарные обвинения в его адрес — от этого уже давно тошно»... Его «роль» неоспорима, а разбор каких-то «ньюансов» - оставим будущим историкам «нашего» Национального движения... Мы не были знакомы ни с Ле Пеном, ни с Глазуновым, хотя одно время В.Н.Осипов изъявлял желание познакомить нас с И.С.Г. Владимир Николаевич тогда читывал в Глазуновской Академии некий курс лекций «Русская Идея», и как-то сидячи с нами в фойе оной, высказался, что и мы могли бы чего-то «подобное» тамошним студиозусам «задвинуть». Мы, конечно, тогда вполне «могли» (такой «славы» как у И.Г. и В.О. у нас не было, слава Богу, но на тот момент «за нами» был уже ряд «вдумных» книжек и какое-то число нумеров «ЦО»: т.е. о.Р. был «на той момент вже не

просто хрін з гори»). Но мы предпочли уклониться от «предложенной чести», как в силу разных «весовых категорий», так и ещё по некоторым неоглашаемым соображениям (тогда нам казавшимися важными). Как бы то ни было, наше Братство и братская «Русская Фаланга» имели некоторые контакты с такими значимыми фигурами французской Правой, как Г.Фай и Д.Веннер (ныне тоже покойными). По Веннеру русскими католиками была отслужена (с нашим «экуменическим» участием) даже Поминальная Месса, что довольно примечательно «для гиштории-с»...

На пространстве «Правого ТГ» (а там ныне, по счастию, одно из немногих «мест», где Правый дискурс чувствует себя более менее «привольно»), имеется тг-канал «Орден Европа». Не вемы, «кто за сим стоит» (да сие нам и не надобно ведать), но в паре постов «там» нам привиделся довольно удачный парафраз мыслей *«le puissant vieux»* Ле Пена (из тех давешних интервью, что он давал в 90-е Вл. Бондаренке, тогда «косившему под правого», ещё не ставшему отъявленным «ватником»). Приведём их (се, повторимся, не «прямая речь» *«Antiquités»* Jean Marie, но изложение «его мыслей»): «О нашем восприятии России. Считаем необходимым однозначно разставить все точки над *і* во избежание недопонимания. Безусловно, русские - это Европейский народ, а Россия - это Европейская страна. Россия уже больше ста лет больна, и эти болезни страшны. Это большевистская чума, и необществистская мерзость, разъедающая нашу страну и поныне. Но СССР - это не Россия, и РФ - это не Россия. И, когда наша родина будет излечена от этого вируса, столь же отвратительного, как и вирусы, поразившие другие страны Европы, она станет тем, чем должна быть изконно - Европейской страной, и продолжательницей Европейской цивилизации. Русские - это Европейцы, и с другими Европейцами мы должны стать единым фронтом во славу нашей матери Европы»: «На пути к Правому Ренессансу. Европа - это европейцы. Исчезнут они - исчезнет Европа. Генетический детерминизм абсолю-

тен. Следователь, если мы жаждем сохранить наш большой Дом, нам нужно породить совершенно новое европейское поколение, одновременно возродив былье славные традиции Белого человека, при этом синтезировать их с новой научно-теологической идеологией. Принадлежать к европейскому народу можно только кровно. Чистота вашей крови, крови ваших предков и ваших потомков должна стать объектом культа. Любить европейский народ нужно по двум причинам - во-первых, в виду самого факта вашей принадлежности к нему (если некоему человеку нужны сторонние причины для любви по отношению к своей семье - матери, отцу, братьям, сёстрам, племянникам, - то это биологический мусор, а не человек; то же самое должно быть и с расой), во-вторых - и именно во-вторых - ввиду потрясающих достижений этого народа. Время гражданских кончилось. Никто из тех, кто считает себя любящим Европу и жаждущим её спасения, не имеет права быть гражданином. Помимо этого, вы должны разбираться в Европейском наследии, чтобы, во-первых, понимать, что именно вы цените, во-вторых, уметь распространять эту идеологию. Современные европейцы больны само-разрушением, ненавистью к себе и к своим предкам, либо же индифферентностью. Чтобы пробуждать таких, вы должны разбираться и в политике, и в искусстве, и в религии, и в военном деле, и в архитектуре, и в литературе. Правая интеллигентская элита - да, именно так должны выглядеть современные дети Европы. Когда счёт подобных людей будет идти на сотни, на тысячи - можно будет думать о следующих шагах. Возможно, мы потеряли Старый Свет. Но вновь: Европа - это европейская кровь. Возможно, мы начнём Белую эмиграцию на новую территорию, как когда-то делали храбрые сердца, колонизировавшие Америку. Возможно, новый очаг Европейского огня будет в бывшей Родезии, либо на территории Южной Америки. А, возможно, это не понадобится. Это - вопрос будущего. Сейчас среди окружающего нас мяса должны быть воспитаны настоящие люди. Единство - или вымирание... И по твоим поступкам, / И по твоим словам /

Дадут тебе оценку / И всем твоим Богам (Редьярд Киплинг, «Бремя Белого человека»)» (<https://t.me/europaunitaest>).

...Ну, и напоследок, наш «опричный» поэтический венок на могилу «Мощного Старика»:

На смерть Ж.-М Ле Пена

Москвабады, лондонабады:
Парижск первым встал в этот ряд -
Азиатцы, негры, арабы -
Зверинец, предбанник-в-ад.
Кровь франкская как полонянка
Бредёт в вавилонский плен...
Отсрочить погибель франков
Был призван старик Ле Пен.
Что вышло, а что не вышло? -
Что должен, то сделал он:
В грядущем Белом Париже
Ле Пена ждёт Пантеон!

...Знаково, что кончина «особы, приближенной к Императору» (мистически: Вечный Император Европы – се Господь Иисус Христос), выпала на Православное Рождество... Ироды этих окаянных дней пытаются его «прихватизировать». Но «это вряд ли», как говоривал один персонаж ещё совецкой фильмы про «бремя Белого Человека» (да-с, такое случалось и в Совке). А ИПХ-поэзия да наложит финальное заклятие:

В Християн обрядились ироды -
Глумятся над Рождеством,
Но чортов чекистский выродок
Не станет Белым Царём.
Вертеп вы не скоммуниздите,
Хор Ангелов вам не купить,
Пастухов, коли даже отпиздите,-
Хрен в иродиан превратить.
Зигуйте! Христос рождается! -
Приходит Истинный Царь,
И новый Ирод отправится
На корм червям, как и встарь!

Repose le Seigneur Dieu l'âme de ton serviteur Jean Marie où tous les droits sont reposés. Amen.

о.Р.Б.

ADDITIF: Жан-Мари Ле Пен - Французский Герой

Влияние Жана-Мари Ле Пена на националистическую политику во Франции и на Западе в целом невозможно переоценить. Ле Пен поддерживал свет национализма в тёмную и бурную эпоху после Второй мировой войны, часто перед лицом прямых государственных репрессий. Его безкомпромиссные прорабочие и националистические политические идеи и искренняя страсть к Франции завоевали ему большую и преданную армию последователей, которая со временем только росла. В Европе, которая только что стала свидетелем убийства, заключения в тюрьму и оклеветания целого поколения националистов, Ле Пен боролся за сохранение их памяти и легитимацию слабых отголосков их идей, которые всё ещё звучали в европейской политике. Против него выступил весь французский политический класс — фальшивые правые популисты открыто сотрудничали с левыми, либералами, социалистами и коммунистами, чтобы изолировать Ле Пена и стереть национализм из исторической памяти Запада. Они потерпели неудачу.

С юных лет Ле Пен посвятил свою жизнь служению Франции. Получив юридическое образование, он добровольно вступил во Французский Иностранный легион (1953-55) и был направлен во Вьетнам и Египет в качестве парашютиста. Несмотря на свою цель служить в боевых условиях, он прибыл в оба этих места вскоре после того, как боевые действия были прекращены. Он снова присоединился к Легиону (1956-57), когда Алжирская война разгорелась, и, наконец, увидел бой в качестве офицера разведки в элитном 1-м иностранном парашютном полку. Примечательно, что этот полк (вместе со всей 10-й парашютной дивизией) был расформирован по-

сле их участия в генеральском путче 1961 года, смелой, но в конечном итоге безуспешной последней попытке спасти французский Алжир. Служба Ле Пена в Алжире привела его к тому, что он стал яростным защитником бедственного положения более миллиона алжирских европейцев. После того, как он был избран в Национальное собрание в 1958 году, он отстаивал дело французского Алжира, невзирая на политическую цену. Ле Пен был одним из немногих избранных представителей Франции, открыто поддержавших военизированную организацию «Секретная армия», которая в то время вела партизанскую войну за спасение французского Алжира.

С момента своего избрания в Национальное собрание и до сегодняшнего дня Ле Пен неизменно был крупным и влиятельным игроком во французской политике. Его огромное влияние на политический дискурс признавали даже его критики, которые называли это явление «Лепенизацией умов». Вместе с основанной им партией, Национальным фронтом (сегодня Национальное собрание), он выдвигал и защищал прорабочие, профранцузские и пробелые идеи. Ле Пен отстаивал эту характерную смесь идей (*ni droite, ni gauche, français*) в то время, когда ни один политик в Европе этого не делал, сохраняя эти идеи для более широкого Белого мира. За это националисты всех мастей в большом долгу перед ним. Память о Ле Пене сегодня побуждает нас продолжать безкомпромиссно бороться за наше мировоззрение, которое не является ни правым, ни левым, а Белым.

Жорж Давидофф
(<https://t.me/s/rusconserv>)

Жан Луи Мари Ле Пен – французский политический и военный деятель, основатель политической партии «Национальный Фронт» и её неизменный руководитель в 1972-2001 годах. В 1956 году стал наиболее молодым членом парламента, однако находясь на должности взял продолжительный отпуск, на протяжении которого принимал участие в Суэцкой

войне и подавлении антиколониальных восстаний в Алжире. Был депутатом французского парламента в 1956-1962, 1986-1988 годах и европарламента – в 1984-2003 и 2004-2019 годах. Баллотировался на пост президента Франции в 1974, 1988, 1995, 2002 и 2007 годах, в 2002 году прошёл во второй тур выборов. В 1962 году основал звукозаписывающую компанию SERP.

Этническое происхождение: Французское, возможно бретонское

Цефальный индекс: Мезоцефалия ($\approx 80,8$)

Высотный индекс: Гипсикрания ($\approx 75,9$)

Лицевой индекс: Мезопросопия ($\approx 87,7$)

Носовой индекс: Лепториния (≈ 67)

Форма спинки носа: Прямая

Высота лба: Средняя ($\approx 34\%$ от общей высоты лица)

Форма лба: Наклонённый

Наклон глазной щели: Горизонтальный

Скулы: Широкие

Челюсть: Широкая

Подбородок: Выраженный волевой

Форма затылка: Округлая

Цвет глаз: Светлый оттенок, №12 по шкале Бунака

Посадка глаз: Глубокая

Цвет волос: Вероятно смешанный оттенок

Толщина губ: Тонкие

Строение тела: Мезо-Брахиморфное

Рост: Высокий (183 см)

Расовый тип: Объединение черт борребю и гальштатского нордика с преобладанием первых

БЕЛЫЙ ПУТЬ ВАНДЕИ

Самое имя «Вандея», как представляется, содержит в себе некое предъуказание на её «Белый Путь». Название Вандея происходит от реки Вандея, которая протекает через юго-восточную часть департамента. В X веке река упоминается как *Fluvium Vendre*, а в XI веке — как *Flumen Vendee* и *Vendeia*. По словам Пьера-Анри Билли, название в конечном счёте происходит от кельтского топонима **vindo-*, означающего «белый» или «сияющий» в священном контексте (как в современном валлийском *gwyn/wyn*). Название, вероятно, происходит из протокельтского или галльского языков, но также могло возникнуть в галльском или древнебретонском языках [см.: *Pierre-Henri Billy, Dictionnaire des noms de lieux de la France, éditions Errance, , 2011*].

Расположение Вандеи часто ставило эту территорию в центр крупных исторических столкновений, таких как Столетняя Война. Вандея была отмечена эпохой Возрождения, а также Реформацией, о чём свидетельствует наличие в департаменте многочисленных замков, относящихся к этому периоду. Благодаря своему промежуточному положению между Бретанью, оплотом Католической лиги, и Аквитанией, центром гугенотов, Нижний Пуату оказался в центре религиозных войн XVI и XVII веков. Положение усугублялось близостью к Ла-Рошели и сильным протестантским влиянием в восточной части провинции. Жёсткие репрессии вынудили протестантов обратиться в другую веру или бежать из Франции.

Территория, которая сегодня называется Вандея, изначально была известна как Нижнее Пуату и входила в состав бывшей провинции Пуату. Считается, что в юго-восточном углу находится деревня Ньель-сюр-л'Отиз, где родилась Алиенора Аквитанская (1122–1204). Сын Алиеноры, прославленный король-крестоносец Ричард Львиное Сердце, часто останавли-

ливался в Тальмоне. Во время Столетней войны (1337–1453) большая часть Вандеи превратилась в поле битвы. Поскольку в Вандее проживало значительное число влиятельных протестантов, в том числе под контролем Жанны д'Альбре, матери Генриха IV Французского, регион сильно пострадал от религиозных войн во Франции, которые начались в 1562 году и продолжались до 1598 года. В апреле того же года король Генрих IV издал Нантский эдикт, и войны закончились. Отмена Нантского эдикта в 1685 году вынудила многих гугенотов бежать из Вандеи. В результате регион стал строго католическим из-за влияния проповедника и марианского миссионера Луи де Монфора, который радикально изменил духовную жизнь региона. Многие считают, что его проповеди подготовили вандейцев к восстанию против Французской революции

Наибольшую известность в истории Вандея получила благодаря Вандейскому мятежу во время Революции. В течение нескольких лет территории недавно образованного департамента была ареной яростного противостояния крестьянских повстанцев (белые) и революционной армии (синие) в конфликте, ставшем причиной сотен тысяч смертей и надолго запечатлевшемся в памяти населения Вандеи. В июне 2006 года в поселке Ле-Люк-сюр-Булонь, разрушенном «адскими колоннами» генерала Тюрро во время террора, открылся Музей истории Вандеи, который рассказывает об истории Вандеи с доисторических времен до наших дней и проводит тематические выставки. Здесь же находится Вандейский мемориал, посвященный памяти жертв Вандейского мятежа (по материалам: <https://en.wikipedia.org/wiki/Vendée4>).

«Рождённая Революцией», современная Франция «уже слишком давно живёт в шизофреническом раздвоении — одновременно поклоняясь Жанне д'Арк и распевая Марсельёзу. Что есть издевательство над здравым смыслом и самой Орлеанской Девой. *Fraternite* и *egalite* — по сей день непререкаемые святыни секулярного мира, притом, что вряд ли кто по-

спорит, — люди их провозгласившие были маньяками террора. Как же тогда удивляться тому, что террор становится все более массовым языком для тех, кто под прикрытием *egalite* стремится установить новый исламистский тоталитаризм. Пришло время вспомнить о тех, кто поднялся против безумия ещё в том самом зловещем 1793-м. Вспомнить героев Вандеи. С лёгкой руки леваков всех мастей, само это имя стало синонимом лютого, кровавого мракобесия, стоящего на пути Прогресса. Они действительно встали на пути прогрессирующей деградации человечества — Белые рыцари Вандеи. Сдентонировал запад Франции вовсе не после казни Короля. Суровые кельтские крестьяне поднялись, когда к ним в дома пришли комиссары, начавшие гонения на Католицизм и попытавшиеся забрать их сыновей в армию Конвента. Крестьяне ответили вилами и пулями. Разумеется, к народной инициативе присоединилось местное священство и дворянство. Это, вообще был бунт естественных сословий, органичного традиционного порядка против деклассированной утопии Робеспьера и прочих маньяков. Воины Католической королевской армии носили белые роялистские кокарды, что само по себе, согласно Декрету Конвента каралось смертью. Это были первые Белые. И русские их последователи прекрасно сознавали преемственность. Как впрочем, и красные — по отношению к якобинцам. Первым командующим повстанцев стал простой торговец полотнами Жак Кателино. Его главенство было безоговорочно признано дворянством. Кателино пал при штурме Нанта. Ему было 34. Новый командующий Морис д'Эльбе пробыл на этом посту 4 месяца. Израненный был захвачен в плен. Казнён республиканцами в Нуармутье. Во время расстрела сидел в кресле. Раны не позволяли стоять... Следующему командующему Анри де Ларошжаклену, прозванному героем Вандеи был всего 21 год, когда он встал во главе французских Белых. И в этом же возрасте погиб в бою. Лидеры сопротивления гибли один за другим, но оно продолжалось. Когда в форме регулярных сражений и штурмов

мов городов, когда в виде партизанщины шуанов. Противник отвечал, чем умел — тотальным террором. В начале 1794 года командующий Западной армией республиканцев генерал Тюрро объявил, что «Вандея должна стать национальным кладбищем». Разделив войска на две армии по 12 колонн в каждой, он отдал им приказ двигаться навстречу друг другу с запада и с востока. «Адские колонны», как их окрестили вандейцы, totally опустошали край, сжигая дома и посёлки, истребляя всех, кто мог быть заподозрен в сочувствии повстанцам. Особо «прославились» Нантские казни. В этом городе террор «настоящим образом» осуществлял член Конвента Каррье. Помимо гильотины и расстрелов, для обеспечения «массовидности террора» широко использовались утопления. Подходили к делу с юмором и огоньком. Например, обнажённых супругов связывали вместе и сбрасывали в Луару. А бывало, то же проделывали со священниками в паре с девушками. Называлось это «республиканские свадьбы». Но лишь только к весне 1796 года, когда в Вандею был направлен талантливый и безпощадный генерал Гош, организованное сопротивление было сломлено. Что ознаменовали казнями последних его вождей Стоффле и Шаретта. Последний даже свою смерть смог превратить в финальный бой. Он сам отдал солдатам приказ: «Пока не закрою глаз, стреляйте в сердце», и в момент залпа бросился ему навстречу. И, тем не менее, даже много позже Вандея дважды поднималась против Наполеона. Да, и по сей день это «заповедник» правых, Белых. Но Франция — это по-прежнему Париж. Париж, осквернённый на века гильотиной на Площади Революции. Теперь она стыдливо именуется Площадью Согласия. Согласия на забвение. Забвение имён героев Белого сопротивления и их Правды. Согласия на толерантность к неприемлемому и гибельному. Позже, даже архитектурно Париж капуцинов и мушкетёров был уничтожен градостроительной оргией барона Османа. И сегодня судьба страны в руках карикатуристов и исламистов. Но на самом деле, Шарли Эбдо и те, кто стреляют в них —

сиамские близнецы. Они питают друг друга. Дело в том, что третьим слагаемым в формуле, где есть равенство и братство, всегда будет вовсе не свобода, а террор. А в сумме всегда, так или иначе — тоталитаризм. Но до самого конца на пути у этих трёх всадников Апокалипсиса будет кто-то с Белым знаменем. Тот, кому посвящены эти строки Цветаевой:

Белая гвардия, путь твой высок:
Чёрному дулу — грудь и висок.
Божье да Белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.
Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого міра — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

...И в дополнение — немного «о хорошем»: случайно привелось наткнуться на довольно свежий французский фильм “Победа или смерть”. И он стал в какой-то мере, прям, культурным шоком. В хорошем смысле. Не в силу своих выдающихся художественных достоинств, а из-за тематики и тональности. Он о героях Вандеи. Причём акценты практически такие же, как в этой нашей книге... Были во Франции фильмы, в которых лидеры их “Великой” революции бывали показаны, как маньяки террора, но не припомнить, чтобы участников сопротивления рисовали не просто героями, не просто морально безупречными, но защитниками Правды и Истины. Причём, фильм откровенно заявляет, что будущее за ними. И то, что во Франции он привлёк в кинотеатры сотни тысяч, несмотря на истерики по его поводу леваков, даёт на это надежду (по материалам: <https://t.me/s/dmittar>).